

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона В. Р. Розена,

ТОМЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

1906.

(съ приложеніемъ семи таблицъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1907.

ОТРЫВОКЪ ВОЕННОГО ТРАКТАТА

ИЗЪ САСАНИДСКОЙ

„КНИГИ УСТАНОВЛЕНІЙ“ آئين نامه

(I — Сасанидскія официальныя книги — Худай-намэ и Айн-намэ, «книга дѣяній» и «книга установленій». Арабскій переводъ Айн-намэ Ибн-Мукаффы и отрывки изъ него у Ибн-Кутейбы. Иноземныя вліянія на развитіе арабскаго военнаго дѣла. Старинныя персидскія книги военнаго содержанія. II — Переводъ военнаго трактата изъ книги Айна. III — Матеріалы для комментарія. Византійская военная литература. IV — Тактическія правила: построеніе, принятіе боя, засада, ночное нападеніе и др. Позіоркетика. V — Урокъ стрѣльбы изъ лука. Объясненіе «дактилономическаго» правила. Приемы натягиванія тетивы и классификація ихъ. Сасанидскій приемъ. VI — Правила игры въ поло. VII — Доспѣхъ сасанидскаго воина. «Бытовой споръ» съ Шу'убитами у Джѣхиза и его военно-бытовые матеріалы).

I.

Въ персидской литературѣ сасанидскаго періода одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ принадлежало сочиненію историческаго содержанія, къ сожалѣнію до насъ не дошедшему и называвшемуся Худай-намэ. Сочиненіе это важно и находившимися въ немъ матеріалами по исторіи сасанидовъ¹⁾, и сохраненіемъ древне-иранскаго преданія (перенесеннаго, отчасти черезъ него же, въ Шāх-намэ)²⁾, и весьма вѣроятнымъ вліяніемъ на сложеніе и развитіе арабской исторіографіи³⁾. Поэтому отрывки изъ этой книги, дошедшіе до насъ въ древнихъ арабскихъ переводахъ, вызывали интересъ

1) Th. Nöldeke, Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden, aus der arabischen Chronik des Tabari übersetzt, Leyden, 1879, XV folg.

2) Th. Nöldeke, Das iranische Nationalepos, Strassburg, 1896, 11 folg. (= Grundriss der iranischen Philologie, Band II, Strassburg, 1896—1904, 141).

3) C. Brockelmann, Geschichte der arabischen Litteratur, I, Weimar, 1898, 134.

и служили предметом изслѣдованія. Значеніе этихъ арабскихъ переводовъ увеличивается еще потому, что дошедшая до насъ пехлевійская литература носить рѣзко выраженный религіозный характеръ, а сочиненія свѣтскаго содержанія¹⁾, при всемъ ихъ интересѣ, слишкомъ немногочисленны и далеко не исчерпываютъ того, что служило содержаніемъ Худай-намэ.

Однако, среди персидскихъ книгъ историческаго или вообще свѣтскаго содержанія, Худай-намэ не была единственной, привлекавшей вниманіе арабскихъ писателей. Рядомъ съ упоминаніями и переводами Худай-намэ, мы находимъ упоминанія и переводы другихъ сочиненій. Среди нихъ называется Айн-намэ, книга, приводимая въ Фихристѣ и притомъ въ непосредственномъ соудствѣ съ Худай-намэ. Такъ, при перечисленіи сдѣланныхъ Ибн-Мукаф-фой переводовъ, вслѣдъ за стоящей на первомъ мѣстѣ Худай-намэ, стоятъ Айн-намэ (I, 118,27; ср. II, 52, пр. 9)²⁾; при упоминаніи написанныхъ персами книгъ, Худай-намэ и Айн-намэ поставлены рядомъ (I, 305,11—12). Къ сравненію этихъ книгъ побуждаютъ не только совмѣстное ихъ упоминаніе, но и самыя ихъ заглавія. Худай-намэ, переводимая на арабскій языкъ «Китаб-ас-сіяръ», «Книга дѣяній»³⁾, была историческими записями оффиціального характера и трактовала преимущественно о вышнихъ и внутреннихъ событіяхъ; Айн-намэ, переводимая на арабскій языкъ «Китаб-ар-русуъмъ», «Книга установленій», касалась государственной организации и вопросовъ, такъ или иначе съ этой организацией связанныхъ. Въ научной литературѣ второму сочиненію удѣлялось гораздо меньше вниманія, чѣмъ первому, хотя оно также имѣетъ большое значеніе для исторіи сасанидской Персіи въ послѣднія времена ея существованія.

Въ Китаб-ат-тенбихъ Мас'уді въ отдѣлѣ объ исторіи сасанидскихъ царей, сохранилось любопытное сообщеніе, дающее возможность опредѣлить, хотя бы приблизительно, общій характеръ сасанидской Айн-намэ⁴⁾. «У Персовъ», пишетъ онъ: «(имѣется) книга⁵⁾, въ которой (значатся) чины персидскаго государства, въ числѣ шестисотъ, въ надлежащей имъ послѣдовательности. Книга эта входитъ въ составъ Айн-намэ, т. е. книги установленій, которая весьма обширна, въ нѣсколько тысячъ листовъ, и полный (экземпляръ которой) можно найти лишь у мобедовъ и другихъ пользую-

1) E. W. West, Pahlavi literature, Grundriss der iranischen Philologie, II, 116—122.

2) Ср. тамъ же I, 138,3 и II, 56, ann. 2.

3) Въ частности «дѣяній царскихъ», کتاب سیر الملوك.

4) Kitāb at-tanbih wa'l ischrāf, auctore al-Masūdī, Lugduni Batavorum, 1894 (Bibliotheca Geographorum Arabicorum, VIII), 104,9 слѣд. (ср. Glossarium, IX). Maḡoudi, Le livre de l'avertissement et de la revision, trad. par B. Carra de Vaux, Paris, 1897, 149.

5) «Называемая کهنشمار», что передано въ переводѣ Carra de Vaux: Kohan-Nāmech.

щихся властью лицъ». Изъ этого сообщенія мы прежде всего выводимъ указаніе на то, что еще во время Мас'уді, въ IV-мъ вѣкѣ Хиджры, можно было видѣть въ Персіи, впрочемъ какъ большую рѣдкость, персидскій подлинникъ *Айн-нәмэ*. Далѣе, упоминаніе «табели о рангахъ»¹⁾, какъ составной части *Айн-нәмэ*, опредѣляетъ офиціальныи характеръ этой книги и этимъ еще болѣе сближаетъ ее съ *Худай-нәмэ*. Подобнаго рода «книги установленій» офиціального характера дошли до насъ и изъ болѣе поздняго времени; укажемъ какъ на примѣръ на *Айни-Акбарі Абӯ-л-Фазля*, этотъ богатѣйшій источникъ для изученія культуры въ царствѣ Великихъ Моголовъ²⁾. Быть можетъ, по аналогіи съ *Айни-Акбарі*, въ *Айн-нәмэ* входили и описи сокровищницъ и конюшенъ сасанидскихъ царей, — книги, на существованіе которыхъ, съ приведеніемъ заглавій, мы имѣемъ ясныя указанія въ арабскихъ источникахъ³⁾.

Какъ уже было указано, *Айн-нәмэ* упоминается среди переводовъ извѣстнаго переводчика съ пехлевійскаго на арабскій *Ибн-Мукаффы*⁴⁾. Этотъ переводъ постигла та же участь, что и переводъ тѣмъ же лицомъ *Худай-нәмэ*, — оба труда не дошли до насъ. Но отрывки изъ того и другого сохранились въ сочиненіи болѣе поздняго автора, въ антологіи *Ибн-Кутейбы* 'Уюн-ал-ахбаръ. Сочиненіе это, состоящее изъ десяти книгъ, дошло до насъ и изданіе⁵⁾ его предпринято проф. Броккельманомъ по двумъ рукописямъ: полной Константинопольской рукописи медресе Кёпрюлю и рукописи Азіатскаго Музея Академіи Наукъ, заключающей въ себѣ лишь первыя двѣ книги. Изъ десяти книгъ этой антологіи, касающейся весьма разнообразныхъ предметов⁶⁾, вторая книга посвящена войнѣ и содержитъ, между прочимъ, цитаты изъ переводовъ, а среди нихъ мы находимъ цитату и изъ *Ибн-Мукаффы*. Еще до появленія изданія проф. Броккель-

1) Книги подобнаго содержанія всегда содержатъ матеріалы и для военной исторіи, ср. напр. римскую *Notitia dignitatum*.

2) *Āin-i-Akbari of Abul Fazl-i-'Allāmī*, edited by H. Blochmann, 2 vol., Calcutta, 1872 сл.; transl. vol. I by H. Blochmann, Calc. 1873 сл., vol. II—III by H. S. Jarrett, Calc. 1891—1894. Объ *Абӯ-л-Фазлѣ* у Н. М. Elliot, *The History of India, as told by its own historians*, vol. VI, London, 1875, 1—9 (объ *Айни-Акбарі* — 6).

3) *Liber Mafātih al-olūm explicans vocabula technica scientiarum auctore Abū Abdallah Mohammed ibn Ahmed ibn Jusuf al-Kātib al-Khowarezmi*, edidit G. van Vloten, Lugd. Bat. 1895, 118, 2—4: آخر همار دخیره و کنج همار دخیره.

4) Ср. Nöldeke, *Tabari*, XXI, ann 2.

5) *Ibn Qutaiba's 'Ujūn al aḥbār*, herausgegeben von C. Brockelmann, Teil I, Berlin, 1900 (*Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete* herausgegeben von C. Bezold, 18 *Ergänzungsheft*, Semitistische Studien 18). Teil II, Strassburg, 1903 (*Zeitschrift für Assyriologie*, Beiheft zum XVII Band).

6) Оглавленіе см. Teil I, 12—10.

мана, бар. В. Р. Розеномъ¹⁾ были перечислены по петербургской рукописи тѣ мѣста въ первыхъ двухъ книгахъ 'Уюн-ал-ахбъръ, въ которыхъ сохранились отрывки изъ болѣе древнихъ переводныхъ сочиненій; въ ихъ числѣ мы находимъ упоминанія и о книгѣ Айнъ. Вниманіе наше привлекаетъ одна цитата изъ этой книги — отрывокъ военнаго трактата, помѣщенный въ 1-ой главѣ II-й книги 'Уюн-ал-ахбъръ и содержащій различныя военныя предписанія (II, 139,12 — 143,12). Отрывокъ этотъ, восходящій черезъ Ибн-Мукаффу къ Айн-намъ, даетъ намъ такимъ образомъ переводъ сасанидскаго военнаго трактата и знакомитъ съ приемами и традиціями военнаго дѣла у персовъ. Прежде чѣмъ перейти къ переводу и разбору этого текста, мы считаемъ нужнымъ нѣсколько остановиться на общихъ вопросахъ, связанныхъ съ темой.

Чѣмъ внимательнѣе изслѣдуется ранняя исторія ислама, тѣмъ точнѣе устанавливается сильное персидское вліяніе на развитіе идей и учреждений въ исламѣ. Рѣшительно сказалось это вліяніе и на государственной организаціи²⁾. Различныя отрасли этой послѣдней слагались подъ двойнымъ вліяніемъ — Персіи и Византіи, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ приходится считаться съ обоими вліяніями, отдавая первенство то тому, то другому. Очевидно, что часть обще-государственной организаціи, военная организація, подчинялась тѣмъ же вліяніямъ. Военное дѣло и военныя установленія разсматривались въ сочиненіяхъ по исторіи государственнаго развитія ислама. Однако, степень и значеніе различныхъ вліяній до сихъ поръ точно не установлены. А. Кремеръ, одинъ изъ ученыхъ, наиболѣе занимавшихся государственной исторіей ислама, особенно отдѣляя римско-византійское вліяніе³⁾.

1) Baron V. Rosen, Zur arabischen Literaturgeschichte der älteren Zeit. I. Ibn-Quteiba: Kitāb 'Ujūn al-akhbār, Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg, T. 27, 1881, 55—78; о книгѣ Айнъ 75—76 (= Mélanges Asiatiques, VIII, 1880, 745—779; о книгѣ Айнъ — 775—777).

2) Общія заимствованія у I. Goldziher, Islamisme et Parsisme, Revue de l'histoire des religions, t. 43, 1901, 7 suiv.

3) A. Kremer, Culturgeschichtliche Streifzüge auf dem Gebiete des Islams, Leipzig, 1873, XII; егo же, Culturgeschichte des Orients, I, Wien, 1875, 77—94 и 203—255, ср. особенно 217 и 221. Кромѣ историческихъ сочиненій, Кремер пользовался теоретическими соображеніями, изложенными въ извѣстномъ Введеніи Ибн-Халдūна, — текстъ: Notices et Extraits des manuscrits, XVII, 1, 1858, 65—79; переводъ: XX, 1, 1865, 75—91. О военномъ правѣ въ исламѣ см. B. Haneberg, Das muslimische Kriegerrecht, Abhandlungen der philol. Classe der königl. bayer. Akademie der Wissenschaften, B. XII, München, 1871, Abth. II, 217—295. О древнемъ до-мусульманскомъ военномъ дѣлѣ арабовъ см. G. Jacob, Altarabisches Beduinenleben nach den Quellen geschildert (= Studien in arabischen Dichtern, Heft III), I Ausgabe, Berlin, 1895, 121—131; II Ausgabe, 1897, тѣ же стр.; ср. также F. Schwarzlose, Die Waffen der alten Araber, Leipzig, 1886; о терминологіи военнаго дѣла, у древнихъ арабовъ ср. S. Fränkel, Die aramäischen Fremdwörter im Arabischen, Leiden,

Большая часть военных трактатов на арабском языкѣ относится къ поздней эпохѣ столкновений мусульманскихъ войскъ съ франками съ одной стороны, и съ монголами съ другой. Эти столкновения вызвали значительныя измѣненія во всемъ военномъ дѣлѣ мусульманъ¹⁾. Поэтому чрезвычайно интересные сами по себѣ, эти трактаты характеризуютъ болѣе позднюю эпоху, хотя несомнѣнно и въ нихъ могутъ быть найдены древнія черты. Въ переводной литературѣ отмѣтимъ арабскій переводъ греческаго военнаго писателя Эліана (I—II в. по Р. X.), именно части его Тактики²⁾. Много матеріала, правда отрывочнаго, находится въ историческихъ сочиненіяхъ и въ антологіяхъ, — его еще нужно выбрать и оцѣнить. При признаніи сильнаго персидскаго вліянія на государственную организацію въ исламѣ, необходимо также обратить вниманіе и на военное дѣло сасанидовъ³⁾.

Уже на первыхъ страницахъ исторіи ислама, мы встрѣчаемся съ удачно примѣненнымъ персидскимъ военнымъ способомъ: извѣстенъ совѣтъ перса Салмапа Мухаммеду окопать Медину, въ защиту противъ наступающихъ мекканцевъ, рвомъ, почему вся эта война и получила названіе «войны изъ за окоповъ». Но не одни только практическіе приемы привлекали къ себѣ интересъ мусульманъ; они интересовались повидному и персидскими военными теоріями. Въ Фихристѣ (314,19—315,6)⁴⁾, рядомъ съ книгами о военномъ дѣлѣ, написанными для халифовъ Мансура и Мамуна, цитуются книги о персидскомъ военномъ дѣлѣ: книга правилъ стрѣльбы; книга правилъ игры въ поло, сасанидской военной игры; книга, касавшаяся обороны персидскими парями границъ ихъ государства; переводъ книги о военномъ дѣлѣ, о завоеваніи крѣпостей и городовъ, о засадахъ, лазутчикахъ и пр. Цитованныя книги составляютъ треть упомянутыхъ въ Фихристѣ книгъ военнаго содержанія⁵⁾.

1886, 232—244. Общій обзоръ исторіи военнаго дѣла на древнемъ и средневѣковомъ Востокѣ даетъ М. Jähns, Handbuch einer Geschichte des Kriegswesens von der Urzeit bis zur Renaissance, Leipzig, 1880; см. также и G. Köhler, Die Entwicklung des Kriegswesens, der Kriegskunst und der Kriegführung in der Ritterzeit, Breslau, I, 1886; II, 1886; III, 1 Abth. 1887, II Abth. 1889, III Abth. 1889. См. еще у насъ ниже 262, пр. 3.

1) J. Reinaud, De l'art militaire chez les Arabes du moyen âge, Paris, 1848, 3 suiv. (изъ Journ. As. 4 sér. XII, 1848, II, 193—237).

2) F. Wüstenfeld, Das Heerwesen der Muhammedaner nach dem Arabischen; Die arabische Uebersetzung der Taktik des Aelianus, Abhandlungen der königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, B. 26, 1880, Hist.-phil. Classe, III—VII, 1—73, 1—32. О персидской традиціи см. 24, 28, 30, 33; 4, 6.

3) О вліяніи персидскаго военнаго искусства на арабовъ ср. замѣчанія F. Justi, Geschichte Irans von den ältesten Zeiten bis zum Ausgang der Sasaniden, Grundriss der iranischen Philologie, II, 397.

4) Ср. Reinaud, о. с. 5.

5) Въ изданіи лордомъ Мюнстеромъ کتاب فهرسة الكتب التي نرغب ان (كتاب فهرسة الكتب التي نرغب ان) (1840) арабскомъ каталогѣ вопросовъ и книгъ, относящихся къ военному дѣлу у

Но кромѣ интереса для изученія исторіи ислама, военный трактатъ изъ Айн-нѣмэ даетъ намъ возможность ознакомиться съ одной стороной культурной исторіи сасанидской Персіи, относительно которой мы располагаемъ весьма ограниченнымъ количествомъ матеріала.

Переводъ этого текста, какъ вслѣдствіе спеціальнаго характера его, такъ и вслѣдствіе отрывочности, нуждается въ комментаріи, который и будетъ предложенъ нами далѣе.

II.

«Читалъ я въ книгѣ Айнъ: установленъ въ сраженіи обычай ставить воиновъ лѣвшею на лѣвомъ крылѣ, чтобы они, стоя лицомъ къ врагу, стрѣляли бы въ обѣ стороны. И (установленъ также обычай), чтобы впереди сражались всадники, и не соблюдается это при отступленіи (ихъ) или боковомъ движеніи¹⁾. И (также), чтобы искали для «сердца» (войска) возвышеннаго мѣста и старались бы расположить его тамъ, такъ какъ воины праваго и лѣваго крыльевъ не (могутъ быть) преодолены и побѣждены, даже когда сильно потерпятъ, пока крѣпко держатся «двѣ главные части», если же разбиты «двѣ главные части», бесполезна стойкость праваго и лѣваго крыльевъ. И когда слабѣетъ войско, пусть наступаютъ воины праваго крыла и «двѣ главные части», что же касается лѣваго крыла, то оно не нападаетъ, если только не будетъ наступать на него опасный²⁾ врагъ, — тогда они (т. е. воины лѣваго крыла) отбрасываютъ нападеніе врага. При этомъ, воины праваго крыла и «двухъ главныхъ частей» могутъ³⁾ вступать въ бой съ наступающими на нихъ и возвращаться къ своимъ съ тѣмъ,

мусульмамъ, мы также находимъ указанія на важность сасанидскаго военного дѣла для изученія военныхъ древностей ислама. Здѣсь упоминаются вопросы военного дѣла, при изученіи которыхъ необходимо считаться съ персидской традиціей (напр. ۲۰, ۱-۱۰; ۲۹, ۱۱-۱۲; ۳۴, ۱۸-۳۰, ۱); здѣсь приводится рядъ книгъ объ исторіи до-мусульманской Персіи, имѣющихъ отношеніе и къ военному искусству (۱۲۰, ۱۹-۱۲۲, ۱۶. Объ Айн-нѣмэ и Китаб-ат-тенбихъ— ۱۲۰, ۱۹-۱۲۱, ۵. Ср. еще напр. ۳۸, ۱۷ и ۹۹, ۸-۱۰ (سلاحشورنامه). Въ этомъ же каталогѣ названы книги Ибн-Кутейбы, имѣющія отношеніе къ военному дѣлу, напр. كتاب الغریس سنة واربعون بابًا ۱۰۳, ۸- كتاب الحرب عشرة ابواب ۹۴, ۵- الخيل ۱۲۱, ۱۴-۱۵).

1) Въ комментаріи мы предлагаемъ объясненіе нашего пониманія этого мѣста текста; здѣсь отмѣтимъ, что переводъ фразы «не соблюдается это» и т. д. условенъ, такъ какъ непосредственно изъ текста установить значеніе словъ مباحلة و مجابهة затруднительно.

2) Букв. «отъ котораго опасаются несчастья».

3) Принимая чтеніе Петербургской рук.; при чтеніи Константинопольской съ لا, мы не получаемъ смысла.

чтобы снова вступить (въ битву)¹⁾, а войны лѣваго крыла не могутъ (дѣлать этого)²⁾... и не возможно имъ, вернувшись, снова вступить (въ бой).

И пусть полководецъ заботится, чтобы солнечный лучъ и вѣтеръ приходились въ тылъ войска его. И пусть не вступаетъ онъ въ бой съ войскомъ иначе, какъ въ случаѣ крайней необходимости и въ такомъ положеніи, когда нельзя избѣжать сраженія. И если случится это, пусть старается полководецъ затянуть войну до конца дня. И слѣдуетъ, во всякомъ случаѣ, чтобы бѣглецы могли бѣжать и не удерживались бы. И когда войско остановится у воды, и врагъ пожелаетъ получить ее, не нужно препятствовать ему, чтобы онъ не приложилъ особыхъ усилій въ сраженіи; и когда врагъ остановится у воды, и войско пожелаетъ отнять ее у него, то (лучшее) время достигнуть этого, когда врагъ напьется воды и напоить ею своихъ верховыхъ животныхъ, а войско будетъ нуждаться въ водѣ; — (вѣдь) самое легкое побѣдить человѣка, когда онъ удовлетворенъ, а наибольшее упоренъ человѣкъ, когда онъ нуждается въ чемъ-нибудь. И пусть передовые отряды проходятъ ровныя мѣста и останавливаются на возвышенностяхъ, и не минуютъ мѣстности, тщательно ее не разслѣдовавъ. И пусть засада закладывается въ прикрытіи и незамѣтныхъ мѣстахъ. И пусть ставятъ желѣзные калканы³⁾ въ мѣстахъ, въ которыхъ опасаются ночного нападенія. И пусть полководецъ опасается распространенія вѣсти о немъ, потому что въ распространеніи ея гибель и разрушеніе арміи.

И когда большая часть воиновъ войска (люди) испытанные, разумные и храбрые, то самое лучшее для войска, чтобы врагъ первымъ напалъ на него; когда же большинство ихъ неопытны и нельзя избѣжать боя, то всего лучше войску первому напасть на воиновъ врага. И не слѣдуетъ войску сражаться съ врагомъ, если число его не превышаетъ въ четыре или три раза числа враговъ; если же врагъ нападаетъ на него, то оно можетъ сражаться, если превышаетъ число враговъ приблизительно въ полтора раза; если же врагъ вторгается въ страну, то могутъ сражаться и будучи въ меньшемъ числѣ.

И слѣдуетъ выбирать для засады воиновъ смѣлыхъ, храбрыхъ, осторожныхъ и дѣятельныхъ, которые не будутъ громко вздыхать, кашлять и

1) Слово عاطفينъ имѣетъ специальное значеніе. Бар. В. Р. Розенъ указалъ мнѣ на словарь كتاب الخصمъ Ибн-Сиды (ابن سيدة, + 458 X.), изд. въ Булакѣ въ 1317—1319, ч. 6, с. А1, гдѣ عطفъ отождествляется съ كثر, значеніе же послѣдняго слова хорошо извѣстно — «вторичное наступленіе послѣ отступленія».

2) Въ текстѣ — لا يقدرون على مناوشتة إلا ما يلين. Перевести послѣднія слова мы затрудняемся, — «могутъ наступать лишь» ما يلين или ما يلين.

3) Dozy, Supplément aux dictionnaires arabes, I, 286.

чихать; и выбраются для нихъ верховыя животныя, которыя не будутъ ржать или шалить¹⁾; и выбираются для ихъ засады мѣста, въ которыя нельзя ввезално проникнуть и (въ которыя нельзя неожиданно) придти, близькія отъ воды, чтобы запастись ею, если продолжится выжиданіе. И (слѣдуетъ), чтобы они нападали обдумавъ, посовѣтовавшись и выждавъ удобный случай; чтобы не пугали они дикихъ животныхъ и птицъ²⁾; и чтобы ихъ нападеніе было подобно пылающему огню. И пусть избѣгаютъ они добычи. И пусть выходятъ они изъ засады раздѣлившись, когда врагъ перестанетъ охранять себя и высылать лазутчиковъ, и когда замѣтятъ въ передовыхъ частяхъ врага небрежность и упущеніе, и когда выпустятъ тѣ своихъ верховыхъ животныхъ на пастбище. И всего холоднѣе зимой и жарче лѣтомъ. И (слѣдуетъ) имъ, выйдя изъ засады, развернуться и раздѣлиться, распределить между собой обязанности и спѣшить нападеніемъ на врага, не медлить и не колебаться.

И слѣдуетъ нападающимъ ночью воспользоваться для нападенія (временемъ), когда дуетъ вѣтеръ или слышится плескъ находящейся около нихъ рѣки, такъ какъ это самое удобное для того, чтобы не былъ слышенъ шумъ ихъ (приближенія), и (слѣдуетъ имъ) воспользоваться для нападенія полночью или временемъ наибольшей темноты. И части войска слѣдуетъ идти противъ середины врага, а остальнымъ кругомъ него, и нападать первыми (слѣдуетъ) идущимъ въ серединѣ для того, чтобы были слышны крикъ и шумъ съ этого мѣста, а не съ боковъ. И (слѣдуетъ) передъ нападеніемъ погнать одного за другимъ наиболѣе быстрыхъ верховыхъ животныхъ, перерѣзать ихъ поводья, колоть ихъ сзади копьями, чтобы они перепугались, бросились бѣжать и нашумѣли; и чтобы одинъ (изъ воиновъ) кричалъ: «о, воины, спѣшите, спѣшите! Уже убить вождь вашъ такой то! и перебиты многіе! и бѣгутъ многіе!», и кричалъ бы другой: «о, человѣкъ! ради Бога пощади меня!», и другой бы говорилъ: «пощады, пощады!», и еще «аввахъ, аввахъ!»³⁾ и т. п. И да будетъ извѣстно, что ночныя нападенія нужны для того, чтобы напугать и устрасить врага; и пусть воздерживаются подбирать пожитки врага, угонять верховыхъ животныхъ, брать добычу.

Сказалъ (авторъ книги Айнъ): и слѣдуетъ при осадѣ крѣпости пытаться склонить кого можно изъ находящихся въ крѣпости и въ городѣ, чтобы добыть отъ нихъ двѣ вещи: одна — развѣдываніе ихъ тайнъ, и другая — запугиваніе и застращиваніе ихъ ими же. И (слѣдуетъ) подослать

1) Принимая чтеніе Петербургской рук. يعيث.

2) Въ текстѣ — ولا يخيفوا سباعا ولا طيرا ولا وحشا.

3) Т. е. «ахъ, ахъ!»

человѣка, который бы поколебалъ ихъ и отнялъ бы надежду на помощь, и сообщилъ бы имъ, что ихъ хитрая тайна разсѣялась, и что ходять разказы о крѣпости, и указываютъ пальцами на укрѣпленные и слабыя мѣста ея, и на мѣста, противъ которыхъ направятся осадныя машины, и на тѣ, противъ которыхъ направятся баллисты, и на тѣ, гдѣ проведутся подкопы, и на тѣ, гдѣ поставятся лѣстницы, и на тѣ, съ которыхъ поднимутся на стѣны, и на тѣ, гдѣ будетъ устроенъ пожаръ, — чтобы все это наполнило ихъ ужасомъ. И пишутъ на стрѣлѣ: «берегитесь населенія крѣпости, небрежности и безпечности въ охранѣ воротъ; вѣдь время (теперь) дурное и живущіе теперь — люди измѣны. Большую часть населенія крѣпости мы уже соблазнили и склонили къ сдачѣ». Либо стрѣляютъ этой стрѣлой въ крѣпость, (а) потомъ подсылаютъ для переговоровъ съ ними человѣка красно-рѣчиваго, достигающаго (цѣли), умнаго, умѣющаго обмануть и обойти, не пустомелю, ничего не забывающаго.

И (пустъ) по возможности откладывается война, — вѣдь въ ней у сражающихся (вызываются) дерзкія дѣйствія и выказываются хитрости и козни²⁾. Если же нельзя избѣжать сраженія, то пусть сражаются въ легкомъ доспѣхѣ и легкимъ оружіемъ. И нужно для лагеря и строевыхъ расположеній войскъ завладѣть мѣстностью закрытой, лѣсной и снабженной водой; врагу же пусть будутъ предоставлены равнина и низины».

III.

Прежде чѣмъ перейти къ комментарию переведеннаго текста, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ матеріалахъ, которыми мы можемъ воспользоваться въ цѣляхъ этого комментарія.

Изъ сасанидской эпохи мы не имѣемъ сочиненія, аналогичнаго по содержанію съ нашимъ текстомъ. Поэтому, для объясненія его, намъ нужно обратиться либо къ инымъ эпохамъ, либо къ литературамъ другихъ народовъ. Обращаясь къ исторіи самой Персіи, мы оставляемъ въ сторонѣ прежде всего эпоху такъ называемой восточно-иранской культуры, послужившую предметомъ подробныхъ разысканій проф. Гейгера¹⁾, въ виду значительной ея отдаленности. Родъ, какъ организаціонная боевая единица и битва на колесницахъ, либо въ нѣшемъ строю, не могутъ считаться

1) W. Geiger, *Ostiranische Kultur im Altertum*, Erlangen, 1882, о военномъ дѣлѣ 438—450. Объ оружіи см. еще A. V. W. Jackson, *Herodotus*. VII, 61, or the arms of the ancient Persians illustrated from Iranian sources (*Classical Studies in Honour of H. Drisler*, 95—125; не имѣя этой статьи подъ руками цитую по *Orientalische Bibliographie*, VIII, 1894, 70).

2) Это мѣсто текста представляетъ нѣкоторыя затрудненія для пониманія.

типичными для сасанидской Персіи. Достаточно сравнить добытые Гейгеромъ матеріалы изъ Авесты, хотя бы съ извѣстными описаніями Геродота¹⁾, чтобы увидѣть, что даже время Ахеменидовъ представляетъ весьма существенныя измѣненія сравнительно съ эпохой древнѣйшей восточно-иранской культуры. Болѣе близкая эпоха Ахеменидовъ все-же отдѣлена значительнымъ промежуткомъ времени и слишкомъ крупными историческими измѣненіями, чтобы ея военное дѣло отождествлять съ военнымъ дѣломъ Сасанидовъ. Отдѣльныя черты однако могутъ быть уяснены путемъ сопоставленія тѣхъ и другихъ извѣстій, что въ свое время было сдѣлано проф. Шпигелемъ²⁾. При скудости матеріаловъ для исторіи Ахеменидовъ вообще, эта эпоха скорѣе нуждается въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ, чѣмъ служить источникомъ для сасанидскаго времени. Времена болѣе близкія еще бѣдиѣ матеріалами, чѣмъ Ахеменидская эпоха. Поэтому, изъ до-сасанидскаго времени мы не можемъ извлечь много данныхъ для комментарія нашего текста. Не въ лучшемъ положеніи находимся мы, обращаясь къ эпохѣ, непосредственно слѣдовавшей за Сасанидской, т. е. къ эпохѣ арабскаго завоеванія. Военныя отношенія сасанидской Персіи плохо выясняются намъ въ описаніяхъ древнихъ арабскихъ историковъ. А. Мюллеръ относился, повидимому, съ большимъ скептицизмомъ къ арабскимъ извѣстіямъ о сраженіяхъ въ эпоху завоеванія Персіи; извѣстія о битвахъ этой эпохи представляютъ, по его мнѣнію, «безпорядочное собраніе отрывочныхъ извѣстій, чаще всего анекдотической окраски и сомнительной достовѣрности»³⁾. Во всякомъ случаѣ, всѣ эти извѣстія нуждаются еще въ критикѣ и проверкѣ. Въ позднѣйшей персидской литературѣ до насъ дошли сочиненія, могущія служить источниками для знакомства съ бытомъ и жизнью сасанидской Персіи. Здѣсь, на первомъ мѣстѣ, нужно конечно назвать Шāх-нāmэ. Нѣлдеке считалъ вооруженіе героевъ Шāх-нāmэ болѣе подходящимъ къ сасанидской эпохѣ, чѣмъ ко времени Фирдоусі⁴⁾, но описанія сраженій, преимущественно единоборствъ, онъ въ значительной степени относилъ на долю поэтической фантазіи⁵⁾. При сложномъ составѣ Шāх-нāmэ необходимо выяснять историческій колоритъ у Фирдоусі; на этотъ же

1) Ср. напр. описаніе войска VII, 60 сл.

2) Fr. Spiegel, *Iranische Alterthumskunde*, B. III, Leipzig, 1878; о военномъ дѣлѣ 638—649. Картину ахеменидскаго войска см. еще у F. Justi, *Eine Heerschau des Xerxes* (*Historisches Taschenbuch*, begr. von F. von Raumer, herausgegeben von W. H. Rühl, V Folge, 4 Jahrgang, Leipzig, 1874, 3—31).

3) A. Müller, *Der Islam im Morgen- und Abendland*, I, Berlin, 1885, 227; А. Мюллеръ, *Исторія Ислама*, пер. подъ ред. Н. А. Мѣдника, I, СПб. 1895, 252.

4) *Das iranische Nationalepos*, 43 (= Grundriss, 172).

5) *Ib.* 48 (= Grundriss, 177).

вопросъ мы еще не имѣемъ отвѣта¹⁾. Поэтому, къ Шах-намъ, какъ къ источнику для изученія сасанидскаго быта, приходится пока относиться съ осторожностью. Кромѣ Шах-намъ, мы имѣемъ и другіе источники: называемъ хотя бы весьма близкое къ нему по характеру Яткәри-Зарирәнъ²⁾, дающее иногда весьма реальныя картины древней боевой жизни³⁾; однако сочиненіе это, вслѣдствіе незначительныхъ размѣровъ, не даетъ подробностей, необходимыхъ для ближайшаго знакомства съ военными теоріями. Итакъ, восточные источники не даютъ намъ въ данномъ случаѣ достаточнаго количества матеріала и намъ нужно обратиться къ инымъ источникамъ, къ источникамъ западнаго происхожденія, сочиненіямъ, написаннымъ на греческомъ языкѣ въ восточно-римской и византийской имперіяхъ. Къ разсмотрѣнію этихъ источниковъ мы теперь и переходимъ.

Византийская военная литература, сравнительно весьма небогатая, какъ количественно, такъ и качественно, даетъ матеріалы, которые необходимо принять въ соображеніе, знакомясь съ сасанидскимъ военнымъ дѣломъ. М. Генсъ, въ исторіи военныхъ наукъ, далъ весьма подробный, снабженный библиографическими указаніями, общій обзоръ византийской военной литературы⁴⁾. Болѣе краткій обзоръ этой литературы, составленный преимущественно по Генсу, даетъ проф. Крумбахеръ въ своей исторіи византийской литературы⁵⁾. Кромѣ этого, мы имѣемъ рядъ монографій, приведенныхъ

1) Какъ примѣръ неясности этого историческаго колорита приведу слѣдующее. Th. Nöldeke, въ известномъ прекрасномъ трудѣ своемъ объ иранскомъ эпосѣ, высказалъ мнѣніе (43=172), что тяжелые панцырики въ описаніяхъ Шах-намъ болѣе характеризуютъ сасанидскую эпоху и высказалъ сомнѣніе, чтобы въ мусульманскихъ войскахъ было особенно распространено примѣненіе одѣтыхъ сплошь въ панцыри всадниковъ. Сопоставляемъ съ этимъ данныя у проф. Karabacek'a въ Führer durch die Ausstellung der Papyrus Erzherzog Rainer, Wien, 1894, 134—135, который рисуетъ арабскихъ завоевателей Египта именно тяжелыми панцырниками, одѣтыми въ покрывающія ихъ отъ плечъ до ногъ кольчатая рубашки, съ желѣзными кольчатыми *мигфарами*, т. е. бармицами (металлическими сѣтками или кусками матеріи, опускавшимися изъ подъ пледа и закрывавшими уши, щеки и шею) въ коническихъ желѣзныхъ шлемахъ. На позднѣйшихъ персидскихъ миниатюрахъ сплошной панцырный доспѣхъ какъ всадниковъ, такъ и лошадей, встрѣчается весьма часто.

2) W. Geiger, Das Yātkār-i Zārīrān und sein Verhältniss zum Šāhnāme, Sitzungsberichte der philos.-philol. und hist. Classe der k. bayer. Akademie der Wissenschaften zu München, 1890, II, München, 1891, 43—85. Th. Nöldeke, Persische Studien, II, Sitzungsberichte der kais. Akademie der Wissenschaften in Wien, phil.-hist. Classe, B. CXXVI, 1892, 1—12; о времени — 9.

3) Ср. напр. картину сбора войска Geiger, 51—52.

4) M. Jähns, Geschichte der Kriegswissenschaften, vornehmlich in Deutschland, I Abtheilung: Altertum, Mittelalter, XV und XVI Jahrhundert, München-Leipzig, 1889 (= Geschichte der Wissenschaften in Deutschland, XXI Band); о византийской военной литературѣ 141—179. Объ арабахъ см. тамъ-же 179—183.

5) K. Krumbacher, Geschichte der byzantinischen Litteratur, 2-te Auflage, München, 1897, 635—639; ср. ib. 239, 258, 268—269. О военномъ дѣлѣ у византийцевъ см. въ русской

въ бібліографическихъ указаніяхъ этихъ общихъ сочиненій. Поэтому, мы имѣемъ возможность познакомиться въ общихъ чертахъ съ главнѣйшими представителями византійской военной литературы. Въ то время, какъ нѣкоторые моменты византійской исторіи даютъ замѣчательные примѣры военнаго дѣла, военная литература имѣетъ теоретическій характеръ и побѣды византійскаго оружія приписываются преимущественно силѣ древней традиціи¹⁾. Однако, рядомъ съ извлеченіями изъ военныхъ писателей античнаго міра, мы находимъ сочиненія и болѣе самостоятельнаго характера. Вся византійская военная литература дѣлится хронологически на двѣ группы²⁾: первая группа относится къ VI-му вѣку, вторая къ X-му. За время съ VII по IX столѣтіе включительно, мы не имѣемъ военныхъ сочиненій въ византійской литературѣ, за исключеніемъ дошедшаго до насъ въ латинскомъ переводѣ трактата о греческомъ огнѣ Марка Грека. Сочиненія второй группы³⁾ сводятся, по исключенію нѣсколькихъ небольшихъ трактатовъ, главнымъ образомъ къ «Общему изложенію военнаго искусства» или Тактикѣ императора Льва⁴⁾ и къ дошедшимъ до насъ съ именемъ императора Константина Багрянороднаго Тактикѣ и Стратегикѣ. Сочиненіе Льва, чисто теоретическое и компилятивное, важно сохраненіемъ преданій и считается однимъ изъ важнѣйшихъ военныхъ сочиненій среднихъ вѣковъ. Въ отношеніи военной исторіи Востока, это сочиненіе очень цѣнно сообщеніями объ арабскомъ войскѣ и является однимъ изъ источниковъ для изученія военныхъ древностей ислама. Тактика и Стратегика, приписываемыя Константину Багрянородному, совершенно не имѣютъ самостоятельнаго значенія. Заслуживаетъ также вниманія съ точки зрѣнія военной исторіи Востока трактатъ о «малой» войнѣ, приписывавшійся Никифору Фокѣ⁵⁾.

литературѣ — О. И. Успенскій, Военное устройство византійской имперіи (Изв. Русс. Арх. Инст. въ Константинополѣ, VI, Софія, 1900, 154—207; ср. замѣчанія объ источникахъ 204); Ю. А. Кулаковскій, Новоизданный византійскій трактатъ по военному дѣлу (Византійскій Временникъ, VII, 1900, 646—660); его же, Византійскій лагерь конца X-го вѣка (тамъ-же, X, 1903, 63—91). Расположеніе византійскаго и мусульманскаго лагерей ср. на планахъ у Кулаковскаго, 75—77 и Wüstenfeld, о. с. 18—19, 2—3 или Münster, 144—145 и 149. Kremer, Culturgeschichte, I, 205, полагая, что систему укрѣпленнаго лагеря арабы заимствовали черезъ персовъ отъ римлянъ.

1) Krumbacher, 635.

2) Jähns, 140.

3) Jähns, 159 folg.

4) О томъ, что это сочиненіе принадлежитъ Льву Мудрому, а не Льву Исавру, какъ принято у Krumbacher'a см. статью Ю. Кулаковскаго, Левъ Мудрый или Левъ Исавръ былъ авторомъ «Тактики»? (Византійскій Временникъ, V, 1898, 398—403).

5) Изъ болѣе поздняго времени отмѣтимъ еще сочиненіе Кекавмена, извѣстное по изслѣдованію В. Г. Васильевскаго, Совѣты и рассказы византійскаго боярина XI вѣка (Журн. Мин. Народ. Просв. 1881, т. 215, 242—299, т. 216, 102—171, 316—357).

Эти сочиненія относятся однако къ позднему времени и интересны для изученія мусульманскаго военнаго дѣла; для сасанидской-же эпохи они многого дать не могутъ, такъ что всю эту группу можно въ нашемъ вопросѣ оставить въ сторонѣ. Другая, болѣе древняя группа сочиненій, относящихся къ VI-му вѣку, имѣетъ для насъ особое значеніе¹⁾. Къ этому времени наибольшихъ военныхъ успѣховъ восточно-римскаго государства, «заката римской военной славы», относится рядъ военныхъ сочиненій большаго или меньшаго интереса. По времени прежде всего нужно упомянуть Орбикія, написавшаго нѣсколько небольшихъ сочиненій военнаго содержанія, не имѣющихъ впрочемъ особеннаго значенія. Также незначительны другіе небольшіе трактаты: трактатъ о государственномъ устройствѣ, касающійся и военнаго дѣла²⁾, и отрывокъ трактата о военномъ дѣлѣ, тѣсно примыкающій къ Стратегикѣ Маврикія. Но кромѣ этихъ сочиненій, мы имѣемъ отъ VI-го вѣка два теоретическихъ сочиненія первостепенной важности. Прежде всего, мы должны назвать трактатъ анонима автора, относящійся къ царствованію Юстиніана, изданный и переведенный по-нѣмецки Х. Кёхли и В. Рюстовымъ во второмъ отдѣлѣ второй части ихъ собранія греческихъ военныхъ писателей³⁾. Трактатъ этотъ заслуживаетъ особаго вниманія. Крумбахеръ называетъ его сочиненіемъ, «выдающимся своей самостоятельностью»⁴⁾. Генсъ считаетъ его не только однимъ изъ наиболѣе полныхъ компендіевъ древней военной традиціи, но также послѣдней самостоятельной работой въ этой области, послѣднимъ произведеніемъ античной военной литературы⁵⁾. На второмъ мѣстѣ нужно поставить Стратегику Маврикія, приписывавшуюся императору этого имени, но написанную вѣроятно другимъ лицомъ⁶⁾. Это сочиненіе было издано съ латинскимъ переводомъ въ XVII-мъ вѣкѣ Шефферомъ⁷⁾ и съ тѣхъ поръ не переиздавалось. Оно носитъ характеръ компиляціи, въ нѣкоторыхъ вопросахъ весьма близко къ Анониму, но даетъ и новыя матеріалы. Кромѣ теоретическихъ военныхъ

1) Jähns, 141 folg.

2) Jähns, 151 и Krumbacher, 239.

3) H. Köchly u. W. Rüstow, Griechische Kriegsschriftsteller, griechisch und deutsch mit kritischen und erklärenden Anmerkungen, II Theil, II Abtheilung, Des byzantiner Anonymus Kriegswissenschaft, Leipzig, 1855. О времени написанія — 37, объ авторѣ — 38.

4) Krumbacher, 635.

5) Jähns, 151.

6) Jähns, 152 и Krumbacher, 635. См. также замѣчанія Ю. Кулаковскаго, по поводу вышедшаго въ 1903 г. русскаго перевода, въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 350, 1903, Декабрь, 529—530.

7) J. Schefferus, Arriani tactica et Mauricii artis militaris libri duodecim, omnia nunquam ante publicata, graece primus edit, versione latina notisque illustrat —, Upsaliae, 1664; текстъ 1—382, примѣчанія 383—537, построения 8 стр.

трактатовъ мы имѣемъ изъ VI-го вѣка въ высокой степени цѣнную военную исторію — извѣстную исторію войнъ Римлянъ съ Персами Прокопія Кесарійскаго, дающую намъ матеріалы для исторіи военнаго дѣла не только у Римлянъ, но и у Персовъ ¹⁾.

Намъ нужно также обратить вниманіе на время написанія упомянутыхъ сочиненій. На основаніи показаній Агаоія, Нёльдеке ²⁾ считалъ возможнымъ признать существованіе официальной персидской исторіи, хотя бы и не въ окончательной редакціи, еще во время Хозроя I-го. Быть можетъ, и Айн-намъ входила въ составъ тѣхъ персидскихъ «царскихъ» книгъ, о существованіи которыхъ при Хозроѣ I-мъ упоминаетъ Агаоій. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ основаній отрицать современность или, по крайней мѣрѣ, очень большую близость во времени между сочиненіями Апонима, Маврикія и Прокопія съ одной стороны, и Айн-намъ съ другой. Кромѣ современности, обращаться въ цѣляхъ комментарія къ военной исторіи Византіи побуждаютъ и иные соображенія. Персы, за все время своей исторіи, являются главнымъ образомъ коннымъ войскомъ, съ лукомъ, какъ главнымъ оружіемъ; греческое войско представляетъ собой образецъ пѣшаго строя съ главнымъ оружіемъ мечемъ и копьемъ. По мѣрѣ столкновеній, тѣ и другіе вводятъ измѣненія. Извѣстно обращеніе Ахеменидовъ къ греческимъ наемникамъ. Съ процессомъ оріентализаціи античнаго міра, античное войско все болѣе проникается восточными вліяніями. Къ VI-му вѣку, т. е. ко времени, насъ преимущественно интересующему, военные приемы римлянъ и персовъ все болѣе сближаются и войска Юстиніана и Хозроя являются уже очень сходными между собой ³⁾. Итакъ, во-первыхъ близость по времени вышеупомянутыхъ византійскихъ сочиненій и нашего текста, во-вторыхъ однородность военныхъ приемовъ восточно-римскаго и сасанидскаго войскъ, даютъ намъ право сопоставлять и пользоваться для взаимной провѣрки военными сочиненіями, написанными въ VI-омъ вѣкѣ въ Византіи и Персіи.

1) Jähns, 143—146; Grumbacher, 230—237. Русскій переводъ — С. Дестунисъ, Прокопія Кесарійскаго исторія войнъ Римлянъ съ Персами, Вандилами и Готами, переводъ; комментарий Г. Дестуниса, книга I, СПб. 1876, книга II, СПб. 1880.

2) Tabari, XVI; *Iranische Nationalepos*, 12 (*Grundriss*, 141).

3) О византійскомъ военномъ дѣлѣ и его отношеніяхъ къ Востоку см. новѣйшія сочиненія: Н. Delbrück, *Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte*, I, Berlin, 1900, II, ib. 1902 (о характерѣ древне-персидскаго и парянскаго войскъ I, 37, 39, 405; о войскахъ Юстиніана II, 363; о сходствѣ войскъ Юстиніана и Хозроя II, 427) и Ch. Oman, *A History of the art of war, the middle ages from the fourth to the fourteenth century*, London, 1905 (new and cheaper issue; раннее изданіе — *The art of war in the middle ages*, A. D. 378—1515, Oxford-London, 1885). Маврикій сближаетъ военные приемы Римлянъ и Персовъ (XI, 3), стр. 263—264.

IV.

Переведенный текстъ представляетъ рядъ правилъ, изложенныхъ либо безъ указанія лица, которое должно руководиться этими правилами, либо обращенныхъ къ полководцу. При всей краткости и отрывочности, эти правила все же можно разсматривать въ нѣкоторой системѣ. Прежде всего укажемъ, что текстъ распадается на двѣ различныя неравныя части, раздѣленныя въ самомъ текстѣ, хотя и въ одной только Константинопольской рукописи, словомъ: «сказалъ», — разумѣется авторъ книги Аппъ, персидскаго подлинника или арабскаго перевода. Лишь нѣсколько послѣднихъ строкъ второй части по содержанію примыкаютъ къ первой; въ остальномъ вторая часть самостоятельна. Въ античной военной наукѣ отдѣлялись двѣ части¹⁾: ученіе о расположеніи и веденіи войскъ въ открытомъ полѣ, ученіе о полевой войнѣ, и ученіе объ осадной, крѣпостной войнѣ, такъ называемая поліоркетика. Каждая часть трактовалась особо. Двѣ части нашего отрывка, при всей его краткости, содержатъ указанія, первая о полевой войнѣ, вторая — объ осадной. Въ порядкѣ расположенія начнемъ съ первой.

Въ началѣ текста стоитъ довольно подробный и представляющій нѣкоторыя затрудненія для пониманія отрывокъ относительно расположенія войска какъ передъ битвой, такъ и въ томъ случаѣ, когда наступаетъ рѣшительный моментъ сраженія и боевой порядокъ долженъ нарушиться. Прежде всего нѣсколько замѣчаній о частностяхъ расположенія. Всадникамъ предписывается сражаться впереди, потомъ отступать въ сторону. Такое пониманіе этого мѣста текста находитъ себѣ объясненіе въ современной трактатѣ тактикѣ. Анонимъ (XXXVI)²⁾ даетъ намъ правила относительно сраженія пѣхоты противъ конницы. Онъ указываетъ, что передъ боемъ нужно выставить впереди конницу для того, чтобы врагъ ожидалъ коннаго боя; когда-же онъ приблизится, конница должна отойти на крылья и предоставить дѣло пѣхотѣ. Далѣе, въ описаніи выдѣляется особое положеніе лѣваго крыла, — оно наступаетъ лишь въ крайнемъ случаѣ; на немъ ставятся войны-лѣвши. Кромѣ того, говорится о стрѣльбѣ этихъ воиновъ, конечно о стрѣльбѣ изъ лука, главнаго оружія той эпохи³⁾. Мы будемъ еще имѣть случай говорить объ этомъ оружіи, тутъ же только отмѣтимъ, что достоинство этого исконнаго персидскаго оружія прекрасно сознавалось

1) См. напр. Köchly-Rüstow, II, 1, Leipzig, 1855, V.

2) О. с. 170—171.

3) Jähns, Handbuch, 474, всю тактику Велисарія характеризуетъ конной, лучной стрѣльбой.

римлянами того времени: уже Прокопій (I, 1)¹⁾ восхваляет искусство современных ему лучниковъ. Лучники-лѣвши были, конечно, особые мастера въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ къ обыкновенному способу держать лукъ въ лѣвой рукѣ и натягивать тетиву правой, присоединяли особую способность — держать лукъ въ правой рукѣ и натягивать тетиву лѣвой, а слѣдовательно и свободно стрѣлять въ обѣ стороны. Это же было особенно важно, такъ какъ согласно изложеннымъ въ нашемъ текстѣ правиламъ, лѣвое крыло, дольше другихъ не наступая, должно было дольше вести перестрѣлку, — какъ прямо, такъ и направо, противъ непріятельскаго центра, и налѣво, противъ возможнаго обхода. Умѣнье владѣть лукомъ безразлично обѣими руками вообще рекомендовалось при лучной стрѣльбѣ²⁾. Переходя далѣе, къ особому положенію лѣваго крыла, мы находимъ объясненіе для этого правила въ общихъ тактическихъ приемахъ того времени, по которымъ войско старалось всегда обойти врага съ правой стороны, что вызывалось удобствомъ для каждаго отдѣльнаго воина нападать со стороны, у него не защищенной, а у врага безоружной³⁾. Безоружной лѣвая сторона была потому, что на этой сторонѣ держали щитъ, такъ что все направленіе налѣво именовалось «направленіемъ щита»⁴⁾. На этомъ принципѣ построено и различіе въ расположеніи крыльевъ, — правое выдвигается впередъ, для обхода врага, лѣвое охраняетъ войско отъ обхода. Боязнь обхода объясняется правиломъ, по которому лѣвое крыло, не производящее ложныхъ наступленій и отступленій, вступать въ бой лишь при рѣшительномъ нападеніи. Далѣе нуждаются въ объясненіи термины: «сердце» и «двѣ главныя части». Значеніе слова «сердце» не представляетъ особыхъ затрудненій, такъ какъ имъ означается обыкновенно въ арабской военной терминологіи центръ войска. Изъ общаго смысла текста видно, что «двѣ главныя части», въ противоположность правому и лѣвому крыльямъ, также означаютъ центръ; возникаетъ только вопросъ: почему центръ получилъ такое названіе и что это за двѣ части? Для отвѣта на этотъ вопросъ мы также должны обратиться къ тактическимъ построеніямъ. Боевой поря-

1) Тотъ же Прокопій упоминаетъ о щитѣ висѣвшемъ у лучниковъ его времени на плечѣ, и защищавшемъ лицо и шею. Такого рода щиты и по сіе время употребляются у лучниковъ см. напр. W. Foy, Ueber Schilde beim Bogenschiessen, Globus, LXXXI, Nr. 18, 15 Mai 1902, 281—285.

2) Д. Н. Анучинъ, Лукъ и стрѣлы. Археолого-Этнографическій очеркъ. Москва. 1887, 27 (изъ Трудовъ V-го Тифлискаго Археологическаго Съѣзда). См. и E. S. Morse, Ancient and modern methods of arrow-release, Bulletin of the Essex Institute, vol. 17, Oct., Nov., Dec. 1885, Nos. 10—12, 184. Въ позднѣйшее время, въ янычарскомъ «очагѣ», полки лучниковъ прямо назывались *صولاقلар* «лѣвши».

3) См. хотя бы Delbrück, I, 91 и 162 и Oman, 195.

4) Анонимъ (XXII, 4), 126—127. Маврикій (VI, 6), 133.

докъ тогда раздѣлялся на: первую боевую линію, вторую подкрѣпляющую линію, небольшой резервъ за второй линіей и два крыла¹⁾. Если опредѣленіе «двѣ главныя части» означаетъ центръ, то, принимая въ соображеніе общій порядокъ построенія, тутъ могутъ разумѣться лишь двѣ линіи, поставленныя одна за другой. Этотъ порядокъ вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Въ цѣляхъ комментарія, намъ нужно обратиться къ исторіи. Мы думаемъ, что можно указать у Прокопія примѣръ сраженія, въ которомъ персидскій полководецъ слѣдовалъ правиламъ, сообщеннымъ въ нашемъ трактатѣ. Прокопій особенно подробно описалъ одно сраженіе, данное Велисаріемъ персамъ, — именно сраженіе при Дарѣ (I, 13—14). Для поясненія выставленнаго текстомъ правила мы дадимъ краткій пересказъ его. Отмѣтимъ при этомъ, что инициатива боя²⁾ все время находится въ рукахъ персовъ, что особенно даетъ возможность примѣнять теоретическія правила. Бой возникъ вслѣдствіе желанія персовъ завладѣть пограничнымъ римскимъ городомъ Дарою, важнымъ для римлянъ стратегическимъ положеніемъ. Римлянами командовалъ Велисарій, персами Перозъ, достоинствомъ «мирранъ». Войска сошлись съ восходомъ солнца³⁾. Относительно построенія персовъ говорится только, что войско ихъ состояло изъ пѣхоты и конницы и что фронтъ ихъ фаланги былъ очень глубокъ. Сраженіе не начиналось до вечера; только тогда конный отрядъ, занимавшій правое крыло персовъ, напалъ на лѣвое крыло римлянъ; тѣ нѣсколько отступили, персы же не погнались за ними. Тогда римляне повернули обратно и въ свою очередь ударили на персовъ, которые не выдержали и отступили къ своей фалангѣ. Обѣ стороны заняли прежнія мѣста и остались въ выжидательномъ положеніи. Затѣмъ начинаются единоборства⁴⁾, неудачныя для персовъ, послѣ чего, за наступленіемъ сумерокъ, оба войска расходятся на ночлегъ. На слѣдующій день по прибытіи къ персамъ подкрѣпленій и по окончаніи не приведшихъ ни къ чему переговоровъ, войска снова выстраиваются другъ противъ друга. Персидскій полководецъ ставитъ въ строй лишь одну половину войска, другую же оставляетъ сзади, чтобы воины смѣняли другъ друга и такимъ образомъ сражались бы по-очереди; слѣдовательно, онъ раздѣлилъ войско на «двѣ

1) См. хотя бы Jähns, Kriegswissenschaften, 166 и Oman, 194. Ср. Маврикій (II, 1), 46 слѣд.

2) Объ инициативѣ см. Jähns, Kriegswissenschaften, 149. Ср. и Маврикій (VIII, 2), 188—189.

3) О выступленіи персовъ лишь по восходѣ солнца и объясненіе этимъ того факта, что Перозъ не дѣлалъ ночныхъ нападеній см. у Spiegel, III, 642.

4) О единоборствѣ см. Nöldeke, Tabari, 340 и Wüstenfeld, 65 folg. и 25 folg.

главныя части». Кромѣ того, отрядъ «безсмертныхъ» онъ оставилъ въ резервѣ. Битва не начиналась до полудня; послѣ полудня, персы начали сраженіе, состоявшее въ перестрѣлкѣ стрѣлами¹⁾, при чемъ они дѣйствовали успѣшно благодаря тому, что имѣли возможность смѣнять другъ друга и сражаться свѣжими силами. Мало по малу стрѣлы начинаютъ истощаться, пускаются въ дѣло копья и завязывается рукопашный бой. Лѣвое крыло римлянъ сильно страдаетъ, — туда въ значительныхъ силахъ ударяетъ правое крыло персовъ, которымъ удается опрокинуть римлянъ и обратить въ бѣгство. Правое крыло персовъ наступаетъ. Римляне пускаютъ въ дѣло задуманный ранѣе обходъ; это застигаетъ персовъ врасплохъ, — часть перебита, часть съ большими потерями отступаетъ къ своей фалангѣ; римляне не преслѣдуютъ; оба войска снова становятся въ строй. Тогда персидскій полководецъ переводитъ на лѣвое крыло значительное число воиновъ и «безсмертныхъ», что однако замѣчено римлянами, значительно усиливающими свое правое крыло. Персы нападаютъ съ лѣваго крыла, обращаютъ римлянъ въ бѣгство (быть можетъ притворное), но снова попадаютъ при преслѣдованіи въ засаду, — римскій отрядъ ударяетъ ихъ сбоку. Отступавшіе римляне возвращаются, персы оказываются между двухъ огней; тогда все ихъ войско бросается въ бѣгство и сраженіе оканчивается погромомъ персовъ²⁾. Таковъ историческій примѣръ, въ своихъ деталяхъ весьма характерный. Передъ нами долгое время продолжавшаяся перестрѣлка изъ луковъ, главный способъ веденія боя въ ту эпоху; когда стрѣлы истощаются, когда «слабѣетъ войско», переходятъ къ наступленію. Упорно наступавшее правое крыло разбито на голову и отступило, — пускаютъ въ дѣло лѣвое крыло; при пораженіи оно не отступаетъ, чтобы снова напасть, а бѣжитъ, такъ какъ сраженіе приняло уже слишкомъ рѣшительный характеръ. Ходъ боя въ общихъ чертахъ согласуется съ правилами нашего текста.

Слѣдующія установленія излагаются въ видѣ краткихъ правилъ, которыя мы рассмотримъ въ ихъ постепенности. Первое правило касается заботливости полководца расположить войско такъ, чтобы солнце и вѣтеръ приходились въ тылъ. Правило извѣстное и рекомендуемое также византийцами³⁾. Укажемъ лишь, что именно въ сраженіи при Дарѣ, на второй

* 1) Köchly-Rüstow, 326, отмѣтили, что, вслѣдствіе примѣненія лука, битвы византийской эпохи имѣютъ совершенно современный характеръ, боя на разстояніи.

2) Относительно этого боя см. Oman, 27—29 (съ планомъ); Delbrück, II, 402; Köchly-Rüstow, II, 2, 326; Jähns, Kriegswissenschaften, 150, прим. 3. Въ сраженіи при Каллиникѣ, окончившемся побѣдой персовъ и описанномъ Прокопіемъ (I, 18) съ меньшими подробностями, рѣшительный удар наноситъ, повидимому, лѣвое крыло персовъ.

3) См. Маврикій (VII, 2), 188.

день боя, во время стрѣльбы изъ луковъ, когда вслѣдствіе удачнаго расположенія персы имѣли всѣ шансы на успѣхъ, поднявшійся противъ нихъ вѣтеръ препятствовалъ ихъ стрѣльбѣ и задерживалъ стрѣлы. Второе правило о вступленіи въ бой лишь въ случаѣ крайней необходимости, повторенное еще разъ въ концѣ отрывка, также имѣетъ общій характеръ; Прокопій (I, 14) влагаетъ въ письмо Велисарія къ «миррану» замѣчаніе, по которому миръ является лучшимъ благомъ жизни, нарушающій его призываетъ бѣдствія на своихъ соплеменниковъ и наилучшій полководецъ тотъ, который войною стремится лишь возстановить миръ. Болѣе специальный характеръ носитъ третье правило, ограничивающее предшествующее: въ случаѣ неизбежности боя, затянуть его до конца дня. Въ 'Уюн-ал-ахбяръ, въ той-же II-ой книгѣ (153,1—2), во второй главѣ, трактующей о лучшемъ времени для путешествія и войны, сообщается персидская поговорка, которой рекомендуется по возможности откладывать битву, въ случаѣ же невозможности избѣжать ея, сражаться въ концѣ дня. У Прокопія дважды (I, 14; II, 18) говорится о нападеніи персовъ около или послѣ полудня, хотя бы боевой строй былъ построенъ съ разсвѣта. При этомъ оба раза объясняется планъ персовъ: они откладываютъ бой потому, что сами обѣдаютъ около вечера, римляне же около полудня и потому не могутъ оказать въ это время должнаго сопротивленія. Яснѣе, однако, это правило изложено у Анонима (XXXIII, 10)¹⁾, рекомендующаго вступать въ бой вечеромъ, чтобы показать, что войско такъ рвется въ бой, что не заботится о времени, на самомъ же дѣлѣ для того, чтобы въ случаѣ необходимости было легко отступить подъ покровомъ ночи. Въ слѣдующемъ правилѣ о томъ, чтобы дать свободу бѣглецамъ и не истреблять поэтому всего войска враговъ, мы видимъ прямое совпаденіе съ античной и византійской теоріями. Мы находимъ это правило и у Анонима (XXXIV, 4; XXXIX, 12)²⁾, и у Маврикія (IX, 2)³⁾, и во многихъ мѣстахъ у Прокопія, какъ по отношенію къ римлянамъ (I, 14, 18), такъ и къ персамъ (II, 8); мотивировка одна и та же, — не доводить врага до крайности. На томъ же мотивѣ основано и слѣдующее правило — допускать врага къ водѣ⁴⁾; съ другой стороны, отбивать воду надо тогда, когда войско нуждается въ ней, при чемъ мотивъ также приводится — стремясь получить воду, войско будетъ ожесточеннѣе

1) О. с. 164—165. Объ обѣдѣ персидскаго войска см. извѣстіе Амміана Марцеллина у Дестуниса, II, 128, пр. 7.

2) О. с. 166—167, 182—183.

3) 210.

4) Spiegel, III, 645 указалъ на любопытный примѣръ не мѣшать врагу переходить для сраженія черезъ рѣку и прослѣдилъ его исторически. Ср. также извѣстія о сраженіяхъ арабовъ и персовъ при Кус-ан-Натыѣѣ и Бувейбѣ.

боротьяся. Правила относительно прохода передовыми отрядами ровныхъ мѣстъ и остановки ихъ на возвышенностяхъ, равно какъ относительно скрыванія извѣстій объ арміи находятъ параллели у Анонима (XVIII, 7)¹⁾, рекомендующаго занимать возвышенности, чтобы врагъ, занявъ ихъ, не задержалъ движенія войска; у Маврікія (I, 9)²⁾, совѣтующаго обходить населенные пункты, чтобы враги не узнали состава войска; и у Прокопія (II, 18), у котораго Велисарій высказывается противъ объявленія своихъ намѣреній для того, чтобы вѣсть о нихъ не дошла до врага.

Типичны для эпохи правила о соотвѣтствіи численныхъ отношеній воюющихъ, о засадахъ и о ночныхъ нападеніяхъ. Въ правилѣ о численномъ соотвѣтствіи поражаетъ чрезвычайная осторожность — вести наступленіе лишь превосходя врага въ три или четыре раза; принимать сраженіе съ оборонительной цѣлью, превосходя врага въ полтора раза, — иныя условія, очевидно, заставляютъ уклоняться отъ боя; лишь защита страны исключаетъ условія. У Анонима цѣлая глава (XXXIII)³⁾ посвящена вопросу о томъ, когда нужно принять сраженіе и когда нѣтъ. По его мнѣнію, сравнивать надо: силу войска, качество людей, вооруженіе обѣихъ сторонъ и настроеніе воиновъ. При равныхъ силахъ, когда, по его мнѣнію, побѣда сомнительна, онъ рекомендуетъ истощеніе врага и ссылается на Велисарія. У Прокопія (I, 17) Аламундаръ, царь Саракиновъ, совѣтуетъ⁴⁾ царю Каваду, даже при рѣшительномъ превосходствѣ надъ врагомъ, изводить его обманомъ и хитростями. Нашъ текстъ принимаетъ во вниманіе силу войска и качество людей, а въ концѣ его говорится и о вооруженіи, именно, что нужно побѣждать въ легкомъ доспѣхѣ и легкимъ оружіемъ. Укажемъ, что по Прокопію (I, 12) при Дарѣ войско римлянъ состояло изъ двадцати пяти тысячъ, персовъ — изъ сорока, а по присоединеніи подкрѣпленія въ десять тысячъ (I, 14) изъ пятидесяти тысячъ. Если эти цифры точны, то мы можемъ въ нихъ увидѣть нѣкоторое соотвѣтствіе съ нашимъ правиломъ. Изъ всѣхъ правилъ, однако, нашъ текстъ особенно подробно останавливается на двухъ вопросахъ: на засадѣ и ночномъ нападеніи; и это, думаемъ, не случайно. Анонимъ весьма подробно говоритъ о засадѣ (XI); нѣкоторые материалы можно также извлечь и изъ главы о стражѣ (VII)⁵⁾. Онъ отмѣчаетъ необходимость ставить на стражѣ воиновъ, отличающихся особыми нравственными качествами (понятливыхъ, мужественныхъ и т. д.); указы-

1) О. с. 108—109.

2) 44.

3) О. с. 160—161 сл.

4) См. и Delbrück, II, 400.

5) О. с. 60—63, 182—187.

васть, что нужно для них выбирать закрытыя мѣста; онъ упоминаетъ также и о желѣзныхъ капканахъ, какъ говоря объ укрѣпленіи лагеря (XXIX, 6)¹⁾, такъ и объ отступленіи и о задерживаніи преслѣдующаго врага (XXXVIII, 5)²⁾. Засадамъ посвящена вся IV-ая книга у Маврикія³⁾; онъ рекомендуетъ завлекать врага ложнымъ отступленіемъ (2); совѣтуетъ устраивать скрытые рвы (3); отдаетъ особое предпочтеніе желѣзнымъ капканамъ (тамъ-же); предлагаетъ находящимся въ засадѣ бросаться на врага сбоку (4); онъ-же отмѣчаетъ необходимость ставить на стражу особо выдающихся людей (IX, 5). У Прокопія мы также имѣемъ достаточно примѣровъ засадъ (I, 3, 4; II, 25). Прибавимъ, что въ позднѣйшей мусульманской традиціи мы также находимъ ученіе о засадѣ, сходное съ приведенными правилами⁴⁾: такъ же совѣтуется выбрать мѣсто у воды, находящіяся въ засадѣ такъ же должны молчать и не вспугивать дикихъ звѣрей и птицъ, даже нападеніе ихъ сравнивается съ пылающимъ огнемъ⁵⁾. Наставленія относительно ночного нападенія, составляющія любимѣйшую тему византійскихъ военныхъ трактатовъ⁶⁾, подробно разсматриваются и нашимъ трактатомъ. Они заслуживаютъ сравненія съ Анонимомъ (XXXIX)⁷⁾ и Маврикіемъ (IX, 2)⁸⁾. Анонимъ рекомендуетъ выбирать для этой цѣли добровольцевъ, пользоваться темной, не лунной и не звѣздной ночью. Особенно же близко къ нашему тексту слѣдующее правило: рекомендуется послать съ обѣихъ сторонъ отряды съ трубами, которые бы громко трубили и этимъ вызывали бы у врага предположеніе, что съ этой стороны идетъ большое войско; кромѣ того, другіе войны этихъ отрядовъ должны кричать на языкѣ врага и призывать его къ бѣгству, что должно смутить непріятельское войско и обратить къ отступленію. При этомъ сказывается осторожный характеръ эпохи: этимъ путемъ отвлекаютъ врага въ противоположную сторону и, давая возможность отступленія, не вызываютъ его на крайности. Ту же осторожность, со сходными хитростями, рекомендуетъ и Маврикій, который отмѣчаетъ и опасность грабежа непріятельскаго ла-

1) О. с. 144—145.

2) О. с. 178—179.

3) 106 сл., 231.

4) Wüstenfeld, Das Heerwesen der Muhammedaner, 15.

5) Вставочная фраза о жарѣ и холодѣ указываетъ, быть можетъ, время, неблагопріятное для похода. У Дестуниса, I, 80 пр. приведено сообщеніе изъ Агаоіа, что персы не выступаютъ въ походъ зимою, и изъ Менандра, что персы обыкновенно вступали въ Персидскую Арменію около исхода Августа; ср. еще Spiegel, III, 643.

6) См. Анонимъ, 330.

7) О. с. 178—183. Ср. XXXIII, 6, 162—163.

8) 205 сл.

геря (VII, 15 и VIII, 2)¹⁾. Оба византийские трактата рекомендуют ночное нападение преимущественно как средство устрашения врага.

Въ заключение этихъ правилъ полевой войны укажемъ еще, что въ той же главѣ той же книги 'Уюн-ал-ахбаръ (II, 144,7—8), сообщается еще небольшой отрывокъ изъ книги Айнъ, рекомендующей запастись главнымъ образомъ провіантомъ и избѣгать лишней клади. Важность запастись провіантомъ отмѣчаютъ и византийцы²⁾.

Переходя къ поліоркетическимъ правиламъ, укажемъ, что имъ уделено въ нашемъ трактатѣ значительно меньше мѣста³⁾. Кромѣ того, эти правила тѣсно связаны съ другимъ вопросомъ, трактованнымъ и древними и византийскими писателями, и у послѣднихъ бывшимъ даже ихъ любимой темой⁴⁾, — съ вопросомъ о лазутчикахъ. Въ нашемъ текстѣ собственно весь вопросъ сводится къ взятію крѣпости при помощи лазутчиковъ и измѣнниковъ. Предлагаются два приема: сначала подсылать человѣка, который бы старался обманомъ склонить населеніе крѣпости къ сдачѣ, а затѣмъ пустить стрѣлу съ призывающимъ къ сдачѣ письмомъ, или наоборотъ. О призывѣ къ сдачѣ стрѣлой пишетъ и Маврикій (VIII, 1; объ осадахъ у него X, 1)⁵⁾; лазутчики и шпіоны служатъ предметомъ подробныхъ разсужденій Анонима (XLI и XLII)⁶⁾. О томъ же мы имѣемъ подробныя извѣстія и у Прокопія. Онъ сообщаетъ (I, 21) какъ общій фактъ, что и у римлянъ, и у персовъ, издавна существовалъ обычай содержать лазутчиковъ, переходившихъ къ врагу и развѣдывавшихъ⁷⁾. У него же приводится примѣръ (II, 19), какъ Велисарій подослалъ въ крѣпость Сисавранонъ умнаго и довѣреннаго человѣка, который и склонилъ осажденныхъ къ сдачѣ. Повидимому этотъ человѣкъ былъ подосланъ какъ шпіонъ, такъ какъ и далѣе онъ является у Прокопія (II, 28) находящимся въ сношеніяхъ съ римскими шпіонами.

Приведенный комментарий даетъ намъ возможность сдѣлать нѣкоторые общіе выводы для характеристики сасанидскаго военнаго трактата. Изъ

1) 146—147; 189.

2) Маврикій (VII, 8 и 11), 142—143. Въ Константинопольской рук. 'Уюн-ал-ахбаръ читается: «говорять персы въ книгѣ Айнъ» (ср. тамъ-же II, 144,1).

3) Нѣкоторыя замѣчанія о древней персидской поліоркетикѣ см. въ статьѣ М. Dugueau de la Malle, *Mémoire sur la poliorcétique des Perses* (Mém. de l'Institut de France, Académie des inscriptions et belles-lettres, XVIII, Paris, 1849, II, 412—434). О древне-греческой поліоркетикѣ — Wescher, *La poliorcétique des Grecs*, Paris, 1867 (извлечение изъ введенія см. также *Revue Archéologique*, N. S. VIII année, vol. XVI, 1867, 286—291).

4) Анонимъ, 331.

5) 178, 237.

6) О. с. 186—193.

7) См. напр. о римлянахъ — II, 15, о персахъ — II, 25.

разсмотрѣнія правилъ можно видѣть, что во-первыхъ, трактатъ ни разу не даетъ фактовъ, которые можно было бы относить специально къ сасанидской Персїи, не даетъ условій мѣста, и во-вторыхъ, что почти всѣ сообщенія имъ правила находятъ себѣ подтвержденіе какъ въ современныхъ ему византійскихъ военныхъ трактатахъ, такъ и въ военныхъ традиціяхъ и событіяхъ, сообщаемыхъ Прокопіемъ. Болѣе того, нужно отмѣтить, что именно тѣ статьи, которыя составляли любимую тему византійскихъ военныхъ трактатовъ, особенно подробно разбираются въ нашемъ отрывкѣ. Такимъ образомъ возникаетъ мысль о возможности литературнаго общенія. Однако, если и допустить въ извѣстной степени его возможность, все же нужно признать, что оно не имѣло въ данномъ случаѣ отвлеченнаго характера; и приведенные нами примѣры примѣненія правилъ, и нахождение этого отрывка въ сасанидской «Книгѣ установленій», указываютъ на практическое значеніе содержанія текста. Кромѣ общаго, отвлеченнаго содержанія подобнаго рода трактатовъ, отсутствіе мѣстнаго элемента можетъ быть объяснено и случайностью, — передъ нами всетаки отрывокъ трактата, а не цѣлое сочиненіе.

Въ заключеніе комментарія укажемъ, что въ современной византійской военной литературѣ имѣются указанія и специально на военное дѣло сасанидовъ. Изъ нихъ данныя Прокопія интересны именно для комментарія, такъ какъ отрывочны и самостоятельно полной картины не даютъ. Анонимъ, вообще не богатый примѣрами, все же упоминаетъ персовъ (XLI, 4)¹⁾, — говоря о лазутчикахъ, онъ сообщаетъ, что персы подослали однажды въ видѣ подарка триста рабовъ, которые на самомъ дѣлѣ были ихъ шпионами. Но особенно нужно отмѣтить сообщенія Маврікія, у котораго вся XI-ая книга посвящена описанію пріемовъ войны другихъ народовъ. II-ая глава этой книги трактуетъ о томъ, какъ надо воевать съ персами²⁾. Маврікій отмѣчаетъ стараніе персовъ сообразоваться съ правилами военнаго искусства; ихъ выносливость въ жаркихъ странахъ и непривычку къ холоду; описываетъ ихъ вооруженіе; говоритъ о ихъ боевомъ порядкѣ, раздѣляющемся на три части — середину, правое и лѣвое крылья и пр. При этомъ онъ, какъ и Прокопій, упоминаетъ у персовъ боевое построеніе фалангу. Его сообщенія заслуживаютъ вниманія при изученіи военнаго дѣла сасанидовъ.

1) О. с. 38, 188—189.

2) 254—260. О томъ, что сообщенія Константина Багрянороднаго (къ нимъ отсылаетъ Kremer, Culturgeschichte, I, 205, анн. 2) тождественны сообщеніямъ Маврікія см. Jähns, Kriegswissenschaften, 172.

V.

Въ той-же второй книгѣ 'Уюн-ал-ахбаръ, въ главѣ о верховой ѣздѣ, приведены еще два отрывка изъ книги Айнъ (165,16—167,3). Первый изъ нихъ касается стрѣльбы изъ лука, второй — игры въ поло. Содержание перваго слѣдующее.

«И читалъ я (еще) въ книгѣ Айнъ: слѣдуетъ¹⁾ при обученіи стрѣльбѣ стрѣлами, чтобы обучающійся держалъ лукъ, прижимая его верхней частью своей лѣвой руки²⁾, а стрѣлу, прижимая ее верхней частью своей правой руки³⁾, и (чтобы) кисти (своихъ рукъ онъ прижималъ бы) къ груди, и смотрѣлъ бы на то мѣсто, гдѣ (находится) обучающій стрѣльбѣ. И слѣдуетъ⁴⁾ водрузить лукъ, согнувъ нѣсколько рогъ его, и крѣпко ухватить его⁵⁾ тремя пальцами, и согнуть указательный палецъ на тетиву, и держать въ двадцати трехъ, какъ бы въ шестидесяти трехъ, и крѣпко сжать три, и повернуть подбородокъ къ лѣвому плечу, и поднять голову, и опустить шею, и склониться съ лукомъ, и выпрямить спину, и опустить верхнюю часть руки, и натянуть лукъ приподнявшись (на сѣдлѣ), и оттянуть тетиву до уха, и поднять кверху глаза⁶⁾, внимательно рассмотреть мѣсто (приложенія) острія стрѣлы⁷⁾, не двигать зубами, не вращать глазами, не качать тѣла».

Стрѣльба изъ лука съ глубочайшей древности составляла одну изъ отличительнѣйшихъ особенностей населенія Ирана. Уже Геродотъ (I, 136) отмѣтилъ, что верховая ѣзда и стрѣльба изъ лука являлись одними изъ главнѣйшихъ предметовъ древне-персидскаго воспитанія. То же говоритъ и Страбонъ (кн. XV, гл. III, 18): по его словамъ, главнѣйшими предметами обученія персовъ отъ пяти до двадцати четырехъ лѣтъ, являются стрѣльба изъ лука, метаніе копья, верховая ѣзда. При этомъ, учителя собираютъ дѣтей для военныхъ упражненій въ определенное мѣсто, гдѣ и учатъ ихъ. Иранское преданіе тоже воспѣваетъ лучника: достаточно вспомнить знаменитаго стрѣлка Эрехшу⁸⁾. Такой же распространенностью пользовалась

1) Букв. хорошее дѣло.

2) Букв. въ лѣвой рукѣ своей, силой верхней части лѣвой руки.

3) Букв. въ правой рукѣ своей, силой верхней части правой руки.

4) Букв. хорошее дѣло.

5) Т. е. лукъ.

6) Букв. поднять глазные бѣлки.

7) Въ текстѣ множ. число. Эту фразу мы ставимъ раньше слѣдующихъ согласно Конст. рук., въ Петерб. она заключаетъ описаніе.

8) Последняя статья по этому вопросу, гдѣ приведена и предшествующая литература — R. v. Stackelberg, Die iranische Schützensage, ZDMG, Band 58, 1904, 853—859. Табари (Nöldeke, Tabari, 271—272) называетъ трехъ знаменитыхъ въ Персіи своихъ выстрѣлами изъ лука лицъ: Аришъ, Сухрѣ, Бахрѣмъ-Чубинъ.

стрѣльба изъ лука и въ сасанидской Персїи. Въ пехлевійскомъ романѣ объ Ардеширѣ¹⁾ говорится, что герой, получившій прекрасный «фрахангъ», т. е. необходимое для рыцарской жизни образованіе, занимался, между прочимъ, при дворѣ персидскаго царя охотой со стрѣлой. Персидскихъ стрѣлковъ хвалятъ и Прокопій (I, 18)²⁾. На памятникахъ, возводимыхъ къ сасанидской эпохѣ, мы часто встрѣчаемъ лучниковъ и стрѣльбу изъ лука.

Въ переведенномъ нами отрывкѣ ясно выступаютъ два момента: положеніе стрѣлка передъ стрѣлкой и самая стрѣльба. Первый не возбуждаетъ особыхъ затрудненій. Прижавъ лукъ къ лѣвому боку, а стрѣлу къ правому, руки же держа у груди, обучающійся стрѣльбѣ смотритъ на учителя. Къ этому нужно прибавить, что какъ изъ упоминанія этого отрывка въ главѣ о верховой ѣздѣ, такъ и изъ отличительныхъ особенностей лучной стрѣльбы того времени, преимущественно конной, стрѣлокъ является всадникомъ. Стрѣльба описывается подробнѣе. Лукъ ставится въ позицію, при чемъ слегка сгибаются «рога» его, т. е. оконечности³⁾; лукъ, слѣдовательно, нѣсколько раздвигается. Далѣе, стрѣлокъ крѣпко обхватываетъ его тремя пальцами лѣвой руки; большой и указательный пальцы придерживаютъ стрѣлу⁴⁾. Указательный палецъ правой руки рекомендуется склонить на тетиву. Слѣдующія фразы: «и держать въ двадцати трехъ какъ бы въ шестидесяти трехъ, и крѣпко сжать три», совершенно непонятны безъ комментарія. Прежде всего отмѣтимъ, что чрезвычайно важное при стрѣльбѣ изъ лука положеніе правой руки, пѣлящей и натягивающей тетиву, не определено пока текстомъ. Далѣе, такъ какъ правило рекомендуетъ

1) Th. Nöldeke, Geschichte des Artachšir i Pāpakān aus dem Pehlevi übersetzt, mit Erläuterungen und einer Einleitung versehen von — (Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen herausgegeben von A. Bezzenberger, Göttingen, 1878, 22—70), 38—39.

2) Относительно сообщаемого Прокопіемъ способа вычисленія боевыхъ потерь персами при помощи стрѣлъ ср. Whitley Stokes, On an ancient method of computing losses in war, The Academy, XLVI, 1895, 134—135, и J. Taylor, An ancient method of computing losses in war (ib. 216—217).

3) Schwarzlose, о. с. 267 (у него-же о лукѣ и стрѣлахъ у древнихъ Арабовъ, 246—319; ср. еще о стрѣлахъ A. Fischer, Pfeile aus Nab'-Holz, ZDMG. B. 58, 877—887, 903). О лучной стрѣльбѣ на мусульманскомъ Востоцѣ, кромѣ общихъ замѣчаній въ книгѣ G. A. Hansard, The book of archery, London, 1841, 26, 31, 34, 119—125, 130—138, см. еще статью Hammer'a въ Ersch-Gruber, Allgemeine Encyclopädie, XI, 298 и его-же, Ueber Bogen und Pfeil (Denkschriften der kais. Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Classe, B. IV, 1853, 1—35) и каталогъ Münster'a, 177—170; о стрѣльбѣ на константинопольскомъ Ок-мѣйданѣ см. J. Karabacek въ Jahreshefte des oesterreichischen Archäologischen Institutes in Wien, IV, 1901, 61—70 (Nachträgliches zu dem vorstehenden Aufsatz, т. е. къ статѣ E. v. Stern, Der Pfeilschuss des Olbiopoliten Anaxagoras, 57—61). Богатый матеріалъ въ восточныхъ источникахъ еще ждетъ изслѣдователя.

4) См. изображеніе хотя бы на сасанидскомъ блюдѣ — A. de Longpérier, Oeuvres, I, Paris, 1883, 89 или M. Jähns, Entwicklungsgeschichte der alten Trutzwaffen, Berlin, 1899, Taf. XXXVIII, 7.

«держать», и при этомъ слѣдуетъ непосредственно за указаніемъ на тетиву, то возникаетъ мысль, что мы здѣсь именно и имѣемъ дѣло съ важѣйшимъ въ лучной стрѣльбѣ приѣмомъ. Вопросъ въ томъ, что означаютъ эти два числа: двадцать три и шестьдесятъ три. Ничего другого, по нашему мнѣнію, они означать не могутъ, какъ такъ называемую «дактилономію», счетъ по пальцамъ. Исходя далѣе изъ мысли, что передъ нами текстъ въ основѣ своей персидскій, мы должны отыскать въ персидской же литературѣ данныя для рѣшенія нашего вопроса. Персидской дактилономіи были посвящены, между прочими, статьи Саси, Рёдигера и Гійяра¹⁾. Во введеніяхъ двухъ извѣстныхъ персидскихъ ферхенговъ — въ Ферхенги-Джехангиръ и въ Ферхенги-Рашидъ сохранилась интересная цитата о дактилономіи изъ рисале Шереф-ад-дина 'Али Іезді XV-го вѣка, при чемъ въ ней какъ примѣры приводятся стихи болѣе древнихъ поэтовъ — Фирдоусі и др. Въ нашу задачу входитъ опредѣленіе по этимъ матеріаламъ положенія пальцевъ при выраженіи или двухъ чиселъ: двадцать три и шестьдесятъ три. У Персовъ, въ противоположность системѣ, господствовавшей на Западѣ и у арабовъ²⁾, правая рука выражала единицы и десятки, а лѣвая сотни и тысячи; при этомъ, мизинецъ, безымянный и средній пальцы правой руки выражали единицы, а указательный и большой — десятки. Для выраженія³⁾ числа 3 мизинецъ, безымянный и средній пальцы плотно прижимаются къ ихъ основаніямъ⁴⁾, — нашъ текстъ тоже прибавляетъ: «крѣпко сжать три». Изъ разнообразныхъ положеній, которыя принимаютъ два первыхъ пальца при выраженіи десятковъ, двадцать и шестьдесятъ чрезвычайно сходны: двадцать выражается тѣмъ, что большой палецъ подкладывается подъ нижній суставъ указательнаго, а шестьдесятъ тѣмъ, что большой палецъ подкладывается подъ второй суставъ указательнаго. Нашъ

1) S. de Sacy, De la manière de compter au moyen des jointures des doigts, usitée en Orient (Jour. As. III, 1823, 65—71); Rödiger, Ueber die im Orient gebräuchliche Fingersprache für den Ausdruck der Zahlen (Jahresbericht der deutsch. morgenl. Gesellschaft für das Jahr 1845, Leipzig, 1846, 111—129, съ указаніемъ западныхъ матеріаловъ); St. Guyard, Chapitre de la préface du Farhangi Djehangiri sur la dactylonomie (Jour. As., VI série, t. XVIII, 1871, 106—125). См. также Mohl, Le livre des rois, II, 1842, préface, II—III, A. Marre, объ арабской поэзіи Шереф-ад-дина Маусилі, касающейся дактилономіи въ *Bullettino di Bibliografia e di storia delle scienze matematiche e fisiche*, t. I, Ottobre, 1868 (указано у Guyard) и Dozy, *Supplément aux dictionnaires arabes*, II, 147—148 (кроме статей Sacy и Rödiger'a, указаны мѣста въ восточныхъ текстахъ). О языкѣ жестовъ въ исламѣ см. интересную статью I. Goldziher, Ueber Geberden- und Zeichensprache bei den Arabern (*Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft*, XVI, 1886, 369—386). О языкѣ же жестовъ вообще W. Wundt, *Völkerpsychologie*, I, Die Sprache, Theil I, Leipzig, 1900, 131—244.

2) Guyard, 107.

3) Rödiger, 114; 116,14—16; 116,26—117,5; 117,12—14. Guyard, 111,4—6; 112,3—9; 113,2—3; 117, 118.

4) نیک نزدیک اصول.

текст рекомендуетъ держать въ двадцати трехъ какъ бы въ шестидесяти трехъ, т. е. даетъ такое положеніе, когда большой палецъ подкладывается не подъ суставы, а подъ сочлененіе суставовъ, вѣроятно для того, чтобы пропустить тетиву. Итакъ, принципъ счета по пальцамъ, изложенный въ позднихъ персидскихъ ферхенгахъ и подтверждаемый стихами болѣе раннихъ персидскихъ поэтовъ, можетъ быть отодвинутъ въ еще болѣе древнюю эпоху, ко времени Сасанидовъ. Прибавимъ, что по лексическимъ даннымъ, въ персидскомъ языкѣ слово «шестидесять»¹⁾ означаетъ также: большой палецъ, натягивающій тетиву лука; кольцо, падающее на этотъ палецъ для натягиванія тетивы; вообще — стрѣлу и лукъ; наконецъ, такой способъ натягиванія лука, когда тетиву тянутъ большой и указательный пальцы.

Вопросъ о лукѣ и стрѣлахъ получилъ особое развитіе въ последнее время, и притомъ не только съ феноменологической, но и съ методологической стороны. Къ изученію лука и стрѣлы былъ приложенъ такъ называемый географическій методъ народовѣдѣнія и изслѣдованіе ихъ распространенія и формъ является однимъ изъ основаній для культурной классификаціи по матеріальнымъ признакамъ²⁾. Однимъ изъ результатовъ сравнительнаго изслѣдованія явилось установленіе различныхъ способовъ натягиванія тетивы, которые сводятся къ пяти главнѣйшимъ³⁾. При первомъ способѣ, стрѣла и тетива отводятся концомъ большого пальца и первымъ и вторымъ суставами согнутаго указательнаго; при второмъ, отведенію тетивы помогаютъ еще третій и четвертый пальцы; при третьемъ, почти несогнутый указательный и средній пальцы тянутъ тетиву, а большой слегка нажимаетъ на стрѣлу; при четвертомъ способѣ, названномъ «присредиземномъ», по тѣмъ народамъ, у которыхъ онъ преимущественно употребляется и употреблялся, тетива натягивается концами указательнаго и средняго пальцевъ, къ которымъ иногда присоединяется и безымянный, стрѣла же лежитъ между указательнымъ и среднимъ; при пятомъ и последнемъ способѣ, названномъ «монгольскимъ», вслѣдствіе особаго распространенія его у племенъ монгольской расы, тетива тянется большимъ пальцемъ,

1) شست, см. словарь Vullers'a, II, 425; ср. и Rüdiger, 128.

2) Объ этомъ см. напр. S. Günther, Ziele, Richtpunkte und Methoden der modernen Völkerkunde, Stuttgart, 1904, 46—47. О лучной стрѣльбѣ съ точки зрѣнія баллистики см. статьи К. Е. Ranke, Ballistisches über Bogen und Pfeil, Globus, B. 83, 1903, Nr. 22—23, 345—348, 365—379, и E. Mylius, Die Theorie des Bogenschießens, Archiv für Anthropologie, N. F. B. III, H. 3, 1905, 219—226.

3) Предложено у Morse, о. с., современные народы 145 сл., древніе народы — 164 сл., таблица классификаціи 195—197; развито у F. Luschan, Vortrag über Bogenspannen, Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, 1891, Berlin, (670) — (678). Принято въ общемъ сочиненіи у Jähns, Trutzwaffen, 292—293; по русски у Анучина, 32 сл.

указательный же, нажимая сверху на поготь большого, вмѣстѣ съ нимъ держать стрѣлу.

Переходя теперь къ предложенному въ нашемъ текстѣ способу, мы можемъ увидѣть, что описанное въ немъ положеніе пальцевъ вполнѣ соответствуетъ пятому способу, употреблявшемуся также и въ Персіи. У Шардена¹⁾ сохранилось любопытное описаніе персидскихъ игръ и развлеченій, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ стрѣльба изъ лука. Онъ описываетъ способъ натягиванія тетивы до уха большимъ пальцемъ правой руки, на который для предосторожности отъ порѣза одѣвается кольцо изъ рога, слоновой кости или жадеита. Уже Морзъ²⁾ отнесъ древнихъ персовъ къ народамъ, пользовавшимся пятымъ способомъ, основываясь на двухъ, впрочемъ, не особенно ясныхъ примѣрахъ. Мы можемъ указать болѣе очевидный примѣръ: близкое по времени къ нашему тексту изображеніе коннаго лучника, натягивающаго тетиву тѣмъ способомъ, который предлагается текстомъ. Это — блюдо Эрмитажа, возводимое къ сасанидской эпохѣ или ко времени близкому³⁾. Всадникъ, стрѣляющій повернувшись, держитъ правую руку такъ, какъ рекомендуется нашимъ трактатомъ. Итакъ, общеупотребительную въ мусульманской Персіи во время Шардена систему стрѣльбы изъ лука, мы можемъ возвести къ сасанидской эпохѣ⁴⁾.

Это изображеніе на блюдѣ уясняетъ намъ также и другое мѣсто текста, именно предписаніе относительно поднятія глазъ. Повидимому мастеръ этого блюда хотѣлъ изобразить идеальнаго съ современной ему точки зрѣнія стрѣлка и, кромѣ точной передачи натягиванія тетивы, изобразилъ также особенность выраженія лица стрѣлка. Въ основанномъ въ значительной степени на персидскихъ матеріалахъ трактатѣ Джѣхиза о гаданіи и физиономикѣ⁵⁾, я нашелъ слѣдующую фразу: «когда ты видишь, что человекъ безъ причины вращаетъ глазами бѣлкомъ и поднимаетъ его, такъ что скрывается зрачекъ, знай, что это хорошій стрѣлокъ стрѣлами». Неесте-

1) Chardin, Voyages en Perse, nouv. ed. par L. Langlès, III, Paris, 1811, 437—439.

2) О. с. 183—184 (ссылался, между прочимъ, на вышеупомянутое сасанидское блюдо, изданное у Longprérier).

3) Изданіе см. въ Отчетѣ Имп. Археологической Комиссіи за 1867 г., табл. III, 1—3, с. 154—155 и у А. Н. Оленина, Археологическіе труды, II, СПб. 1882, Таб. XXVIII (объясненіе не отвѣчаетъ изображенію, 180—181). См. и приложенный у насъ снимокъ.

4) О неопредѣленности времени перехода населенія передней Азіи отъ натягиванія тетивы тремя средними пальцами къ «монгольскому» приему, см. F. Luschan, Ueber den antiken Bogen, Festschrift für O. Beudorf, Wien, 1898, 196.

5) باب العرافة والزجر والفراسة على مذهب الفرس № 1210, 59a (о ней см. Catalogus cod. or. bibl. ac. Lugd. Bat., III, 167—8). Я пользовался копіей бар. В. Р. Розена. Фраза въ арабскомъ текстѣ — وإذا رأيت الإنسان يدبر يباين عينه من غير علة ويرفعها حتى يغيب السواد فاعلم أنه جيد الرمي بالسهم.

ственно расширенные глаза у стрѣлка на блюдѣ имѣютъ, по нашему мнѣнію, отношеніе къ этой отличительной, по ученію тогдашней «физиономики», особенности лица завязатаго лучника.

Слѣдующія предписанія нашего текста не представляютъ особыхъ затрудненій; заслуживаетъ упоминанія лишь оттягиваніе тетивы до уха, о чемъ, какъ мы уже говорили, упоминаетъ и Шарденъ. У Прокопія (I, 1) сохранилось описаніе современныхъ ему лучниковъ, которыхъ онъ хвалитъ за то, что они умѣютъ притягивать тетиву ко лбу до праваго уха. Мы имѣемъ еще матеріалъ для сопоставленія въ небольшомъ разсужденіи о лучшей стрѣльбѣ, дошедшемъ до насъ въ приложеніи къ трактату византійскаго Анонима¹⁾. Онъ совѣтуетъ учиться стрѣлять какъ въ спокойномъ положеніи, такъ и въ движеніи, противъ врага, какъ стоящаго на мѣстѣ, такъ и двигающагося; натягивать тетиву онъ предлагаетъ тремя средними пальцами, либо двумя изъ нихъ, — большимъ пальцемъ, положеннымъ на указательный, или обратно, — эти пальцы, по его мнѣнію лучше тянутъ тетиву и пускаютъ стрѣлу съ большей силой; наконецъ, онъ совѣтуетъ натягивать лукъ, отводя тетиву либо къ груди, либо къ шеѣ, либо къ уху, — послѣдній способъ даетъ стрѣлѣ наилучшій полетъ. Итакъ, въ VI-мъ вѣкѣ мы видимъ, что распространенный въ Греціи²⁾ способъ натягивать тетиву тремя средними пальцами уступаетъ мѣсто иному способу, восточному, который рекомендуется въ сасанидское время.

VI.

Другой отрывокъ, касающійся игры въ поло, имѣетъ слѣдующее содержаніе:

«И читалъ я (еще) въ книгѣ Айнъ о наилучшемъ ударѣ саўльджа-номъ³⁾, что (слѣдуетъ) прежде всего ударять шаръ быстрымъ⁴⁾ ударомъ, повертѣвъ при этомъ рукой у уха и склонивъ саўльджанъ до пижпей части груди; и (слѣдуетъ), чтобы ударъ направлялся сбоку, осторожно, внимательно, тщательно, и (слѣдуетъ) пользоваться исключительно остриемъ (саўльджапа) и защищать путь шара до конечной цѣли. Затѣмъ (нужно) гнать шаръ съ его мѣста и стараться ударить его подъ подпругой лошади со стороны верхней части ея груди, съ умѣренной силой, и (при этомъ)

1) О. с. 198—209.

2) Luschan, Ueber den antiken Bogen, 196.

3) Особого рода палка, употреблявшаяся при игрѣ въ поло.

4) Dozy, Supplément, I, 391 и Schwarzklose, 242.

стараться достигнуть цѣли и побѣдить; и не пытаться, ударяя мячъ, помогать кнутомъ, и не задѣвать земли саульджаюмъ, и, пользуясь имъ, по неумѣнію, не разбить его, и не ранить ногъ лошади, и (слѣдуетъ) остерегаться повредить того, кто скачетъ вмѣстѣ по майдану, и хорошо управлять лошадыю при быстромъ ея бѣгѣ, и при этомъ остерегаться паденія и удара, и не давать мѣста гнѣву, брапи, раздраженію, спору, и остерегаться забросить шаръ на крышу дома, даже еслибы можно было купить шесть шаровъ за дирхемъ, и не гнать зрителей и сидящихъ на стѣнахъ майдана, потому что ширина майдана для того только и сдѣлана въ шестьдесятъ локтей, чтобы не наскочить и не сбить сидящихъ на стѣнѣ его».

Отрывокъ этотъ относится къ военной игрѣ, конной игрѣ въ мячъ, типичной для сасанидской эпохи. Въ упомянутомъ уже пехлевійскомъ романѣ объ Ардеширѣ¹⁾ игра въ мячъ составляетъ одно изъ главныхъ развлеченій. Подобно тому, какъ турниры западно-европейскаго средневѣковья, ипподромъ и бѣга на колесницахъ въ Византіи, конная игра въ мячъ является неотъемлемой частью жизни сасанидской Персіи. Перенесенная къ халифскому двору и далѣе, въ страны христіанскаго запада, она сохранялась долгое время и въ мусульманской Персіи, и въ странахъ, подчинившихся вліянію персидской культуры²⁾. Миниатюры позднѣйшихъ персидскихъ рукописей часто изображаютъ эту игру, и ими можно провѣрить предлагаемая нашимъ текстомъ правила; мы видимъ всадниковъ, вертящихъ передъ ударомъ молоткомъ около уха, потомъ сгибающихъ его внизъ къ лошадиной подпругѣ, ударяющихъ, держа руку у груди лошади, во весь опоръ скачущихъ по майдану и пр.³⁾ У Шардена⁴⁾ сохранилось описаніе и этой игры. По его разсказу, цѣль игры — провѣсти шары между столбами на концѣ площадки, при чемъ противная партія останавливаетъ шары и отгоняетъ ихъ; особымъ достоинствомъ считается ударить шаръ на галопѣ, тогда какъ тѣ игроки, которые ударяютъ шаръ останавливаясь или

1) О. с. 38—39, 67.

2) О нѣкоторыхъ матеріалахъ по этому вопросу, равно какъ и библиографію, см. въ статьѣ моей, Къ исторіи игры въ поло (Записки, XIV, 1902, 0108—0113). Очеркъ игры въ поло въ Персіи даетъ теперь Major P. M. Sykes, Ten thousand miles in Persia or eight years in Irán, London, 1902, 334—344, Chapter XXIX, Polo in Persia (со снимками съ двухъ миниатюр). О chicane на Западѣ см. Du Cange, Glossarium mediae et infimae Latinitatis, X, Niort, 1887, Dissertation VIII, De l'exercice de la chicane ou du jeu de paume à cheval, 29—31.

3) Отмѣчаетъ рукопись поэмы Гуй-у-чауѓанъ, хранящуюся въ Имп. Публичной Библіотекѣ, написанную шахомъ Тахмаспомъ I-мъ въ 931 г. Х. (1524—5) и содержащую рядъ рисунковъ, изображающихъ игру въ поло и нарисованныхъ весьма тщательно. Объ этой рукописи см. B. Dorn, Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale Publique de St. Pétersbourg, 1852, 384, № 441.

4) О. с. III, 181—182, 440.

при ѣздѣ шагомъ, вызываютъ насмѣшки; такъ какъ молотокъ коротокъ, то игроку нужно согнуться ниже сѣдельной луки.

Распространенностью этой игры въ сасанидской Персіи объясняется и присутствіе описанія ея въ *Айн-намэ*. Ранѣе, мы уже проводили аналогію между этой книгой и позднѣйшей *Айни-Акбарі*. Теперь отмѣтимъ, что и въ сочиненіи *Абӯ-л-Фазля* до насъ дошла небольшая статья, трактующая объ этомъ же предметѣ. Во второй части, посвященной военной организаціи, въ «установленіи о развлеченіяхъ»¹⁾, предшествующемъ «табели о рангахъ», разсказывается и объ игрѣ въ поло. Тутъ указываются два способа: одинъ состоятъ въ томъ, чтобы медленно двигать шаръ отъ середины майдана къ столбамъ, между которыми и падо провести его; другой — чтобы, осторожно намѣтивъ, сильно ударить шаръ, быстрѣе прочихъ скакать за нимъ и отбросить обратно. Тутъ приводятся также различные способы удара. Итакъ, присутствіе статьи объ игрѣ въ поло въ *Айн-намэ* является вполне понятнымъ и находитъ себѣ аналогію въ позднѣйшей персидской литературѣ, въ сочиненіяхъ однороднаго содержанія.

VII.

Приведенные изъ *Айн-памэ* отрывки даютъ намъ достаточное количество правилъ, касающихся военного дѣла. Однако, эти правила, поскольку они дошли до насъ въ *Уйюн-ал-ахбаръ*, не касаются одной весьма существенной стороны, — тѣхъ орудій и оружія, которыя составляли необходимую принадлежность сасанидскаго войска. Лишь краткимъ упоминаніемъ о томъ, что побѣду надо одерживать въ легкомъ доспѣхѣ и легкимъ оружіемъ, да наставленіемъ относительно лучной стрѣльбы, наши тексты подтверждаютъ общій характеръ войны того времени, ведшейся преимущественно при помощи легкаго оружія — лука, имѣвшими легкій доспѣхъ всадниками.

Однако, мы не лишены возможности иллюстрировать приведенныя правила матеріальными средствами сасанидскаго войска. Кромѣ различныхъ художественныхъ изображеній, мы имѣемъ и литературныя данныя. Арабскіе писатели перечисляютъ тѣ предметы, которые образовывали полный доспѣхъ сасанидскаго коннаго воина²⁾. Эти предметы составляли: шлемъ, мигфаръ, кольчуга, латы, наручп, поножи, мечъ, копье, щитъ, прикрѣпленная къ поясу палица, сѣкира или булава, кочанъ съ двумя луками съ

1) آئين نشاطبازی; текстъ ۲۱۴, ۱۸—۲۱۵, ۱۵; переводъ 297—298.

2) Nöldeke, Tabari, 248—249; Annales, I Series, II, 1881—1882, ۹۴۴, ۸ сл.

тетивами и тридцатью стрѣлами, и двѣ крученныя тетивы, сзади привязанныя къ мигфару. Упоминается также и лошадиный панцырь¹⁾.

Кромѣ оружія, мы можемъ также ознакомиться и съ тѣми военными орудіями, которыми пользовались персы. Для этого мы укажемъ на одно, еще не использованное мѣсто въ сочиненіи Джѣхиза «Китаб-ал-байнъ уа-т-тебъйиъ»²⁾. Проф. Гольдциеръ въ статьѣ своей о Шу'убийѣ³⁾, извѣстной персидской націоналистической партіи II-го и III-го вѣковъ Хиджры, обратилъ вниманіе на интересное мѣсто упомянутой книги, касающееся полемики персидскихъ и арабскихъ націоналистовъ. Подробно разобравъ начало этой полемики⁴⁾, Гольдциеръ указалъ, что дальнѣйшимъ предметомъ ея служить сравненіе первобытнаго военнаго дѣла арабовъ съ развитымъ военнымъ искусствомъ персовъ. Отмѣтивъ важность этого экскурса для археологовъ, онъ отказался отъ подробнаго воспроизведенія его, за незнакомствомъ своимъ съ этими вопросами⁵⁾. Прибавимъ, что этотъ отрывокъ интересенъ еще тѣмъ, что представляетъ собой одинъ изъ древнѣйшихъ образчиковъ особаго литературнаго вида, такъ называемыхъ «споровъ» или «тенцонъ»⁶⁾, и при этомъ того спеціальнаго типа, который можетъ быть названъ «споромъ на бытовую тему». Подобнаго рода споры мы встрѣчаемъ еще въ древнихъ памятникахъ арабской литературы. По отношенію къ вопросамъ военнаго дѣла у персовъ, нашъ текстъ не даетъ особенно много матеріала; его содержаніе относится преимущественно къ древнимъ арабамъ⁷⁾. Нужно, однако, имѣть въ виду ту точку зрѣнія, на

1) Ср. весьма сходное описаніе вооруженія воина въ мусульманскомъ военномъ трактатѣ — Wüstenfeld, 11—12; здѣсь также предписывается имѣть два лука и 30 стрѣлъ. И Маврикій (I, 2), 20 рекомендуетъ имѣть 30 или 40 стрѣлъ.

2) كتاب البيان والتبيين تأليف الامام ابی عثمان عمرو بن بحر الجاحظ, Каиръ, 1313 X., II, ٥٢, iv—٥٥, r; Рук. Петерб. Унив. № 724, 134 r—136 v; Рук. Учеб. Отд. № 167, 155 v—156 r (Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales. I. Manuscrits arabes décrits par le Bar. V. Rosen, St. Pétr. 1877, № 158, 72 suiv.).

3) I. Goldziher, Muhammedanische Studien, I, Halle, 1889, 147—177.

4) О. с. 171, упоминается персидская книга, которую рекомендовали читать Шу'убиты и которая въ египетскомъ изданіи читается Кървендъ, а въ рук. Петерб. Унив. и Учеб. Отд. Къзвендъ. Гольдциеръ предлагалъ читать ее Кърнамъ; въ كتاب التریب و التدوير того же Джѣхиза названіе этой книги читается كاورد, что de Goeje предлагалъ исправить въ بازند. т. е. Пазендъ, названіе книги, о которой говоритъ Мас'уді въ Тенбихъ, — см. G. van Vloten, Tria opuscula auctore Abu Othman Amr ibn Bahr al-Djahiz Basrensi, quae edidit —, Lugd. Batav. 1903, ١٢٣, ٣.

5) О. с. 172.

6) О позднѣйшихъ персидскихъ тенцонахъ см. H. Ethé, Ueber persische Tenzonen, Verhandlungen des fünften internationalen Orientalisten-Congresses, II, Erste Hälfte, Berlin, 1882, 48—135 (ср. 54, анм. 1). Зачатки этого литературнаго вида у арабовъ прослѣдилъ Goldziher, о. с. 54—60.

7) Укажемъ попутно и на тѣ особенности древне-арабскаго военнаго быта, которыя приведены въ этомъ экскурсѣ. Шу'убий отмѣчаютъ, что коня арабовъ дѣлались только

которой, повидимому, стоялъ и Гольдцѣръ, именно, что, перечисляя средства и орудія, которыхъ не знали древніе арабы, персы-націоналисты тѣмъ самымъ указывали на то, что они въ свое время пользовались всѣми ими. Въ такомъ же случаѣ мы находимъ тамъ рядъ предметовъ, заслуживающихъ вниманія. Прежде всего, отмѣтимъ интересное противопоставленіемъ сообщеніе, по которому, когда сраженіе велось такъ, что на одной сторонѣ было нѣсколько арабскихъ племенъ, то каждое изъ нихъ подчинялось своему племенному начальнику, что и осуждается¹⁾. Относясь отрицательно къ племени, какъ боевой организаціонной единицѣ, персы очевидно перешли къ инымъ, болѣе совершеннымъ формамъ военной организаціи. Затѣмъ указывается на незнакомство арабовъ съ военными приемами, относительно которыхъ мы говорили уже ранѣе, основываясь на *Айн-нәмэ*; это — ночное нападеніе, засада, построеніе съ раздѣленіемъ на опредѣленные части. Потомъ приводятся военные орудія²⁾: скорпионъ, баллисты меньшихъ и большихъ размѣровъ, подвижныя башни; средства обороны: рвы и желѣзные капканы³⁾. Упоминается персидская одежда, — вѣроятно потому рядомъ съ доспѣхомъ, что одѣвалась подъ него, — персидскій кафтанъ «каба» и шальвары⁴⁾; «подвѣшиваемые» мечи, барабаны, знамена, панцири для лошадей и всадниковъ, шлемы, наручи, колокольчики и ар-

изъ кизиловаго дерева (مزان, Dozy, Supplément, II, 585, ср. и Schwarzlose, 226), а остріями этихъ копій служили рога рогатаго скота (ср. Schwarzlose, 233); что сѣдла ихъ были сдѣланы изъ кожи, безъ дерева, и не имѣли стремянъ; что ихъ копыя были массивныя, болѣе тяжелыя и наносившія болѣе слабый ударъ, чѣмъ полыя; что они хвастались длинными копьями и короткими мечами; что они дѣлали острыми оба конца копій и, взявшись за середину, выставляли впередъ столько же, сколько и назадъ.

1) Въ Каирскомъ изд. تنشاندون, въ рук. Петерб. унив. и Учебн. Отд. تتساندون, что опредѣленіе — Dozy, Supplément, I, 691. Ср. Tria opuscula, ٣٠٢-٣٠٣.

2) Ими предшествуютъ النفاسة (الغفافة), машина бросающая нефть; ср. Tria opuscula, ٣٠٢-٣٠٣) и الدراجة, «черепаха», подвижной навѣсъ для тарана или осаждающихъ воиновъ. Приводимыя далѣе названія الرتيبة, العرادة, الحجابيق, вслѣдствіе неустановленности реальной номенклатуры, могутъ быть переведены лишь съ относительной точностью. الدجاب или الدجابات терминъ опредѣленный, Dozy, Supplément, I, 421.

3) О средствахъ противъ нихъ на копытахъ лошадей см. у Анонима (XVII, 4), 106—107. Персидское происхожденіе этихъ капкановъ предполагаетъ Jähns, Kriegswissenschaften, 150, anm. 1.

4) Въ словѣ سروبلات можно видѣть намекъ Шу'убийи на первобытный костюмъ арабовъ, выразившійся въ извѣстномъ костюмѣ хаджжа и состоящій лишь изъ двухъ кусковъ матеріи, безъ шальваръ; возможно также усматривать иное значеніе для этого слова. Въ пехлевійскомъ мы имѣемъ слово *сѣроуър*, въ значеніи «шлема» (греч. σαρβαρα) — ср. P. de Lagarde, Gesammelte Abhandlungen, Leipzig, 1866, 72 или P. Horn, Grundriss der neupersischen Etymologie, Strassburg, 1893, 153, — независимо отъ новоперс. *шелоуър*. Быть можетъ таково значеніе этого слова и у Schwarzlose, 323. Ср. еще рыцарскій инсигній позднѣйшаго времени, заслуживающій изученія, — سروبل الفتوة, Dozy, Supplément, II, 241 (гдѣ и литература).

канъ¹⁾. Упоминаемые здѣсь колокольчики²⁾ должны быть отнесены къ конскому убору, — обычай, который можно опредѣлить по сасанидскимъ памятникамъ и прослѣдить отъ ассирійскихъ изображеній до современнаго конского убора курдовъ³⁾. Возвращаясь снова къ военнымъ орудіямъ, текстъ называетъ стрѣльбу «пятерней»⁴⁾, т. е. пятью стрѣлами и метанье нефти и «огней»⁵⁾. Прибавимъ, что историческія извѣстія подтверждаютъ намъ существованіе у сасанидовъ развитыхъ осадныхъ средствъ: Прокопій (I, 17; II, 17, 26, 27) говоритъ объ осадныхъ башняхъ и машинахъ, объ огненосныхъ стрѣлахъ, о длинныхъ и толстыхъ щитахъ изъ козлиной шерсти, называвшихся «кяликіями», которыми персы прикрывали свои осадныя работы.

Итакъ, сасанидское войско выступаетъ въ походъ, руководясь правилами, типичными для эллинистическаго періода военнаго дѣла. Преимущественно конное, хорошо снабженное наступательнымъ и оборонительнымъ оружіемъ, знакомое съ поліоркетикой и имѣющее для нея необходимыя средства, оно начинаетъ бой, о которомъ поетъ воинственный гимнъ Авесты⁶⁾: «Да помогутъ намъ великіе боги, Митра и Ахура, когда громко поднимаетъ свой голосъ кинжалъ, когда дрожатъ лошадиныя ноздри..., когда тетивы луковъ свистятъ и пускаютъ острые стрѣлы».

Н. Иностранцевъ.

1) Объ отсутствіи аркана у древнихъ арабовъ см. напр. Jacob, *Beduinenleben*, 135.

2) الجراسى. Такое значеніе даемъ мы этому слову и въ BGA IV, 278 и Tris opuscula, II, v; ۳۳, ۱۹ гдѣ оно стоитъ рядомъ съ التجافيف, лошадиными панцирями. Объ однородномъ обычаѣ въ мусульманскую эпоху см. Dozy, *Supplément*, I, 384, خطام (со ссылкой на Quatremère).

3) Abbé L. Morillot, *Etude sur l'emploi des clochettes*, Dijon, 1888, 28—29 (со ссылкой на Perrot et Chipiez, *Histoire de l'art dans l'antiquité*, II, Paris, 1884, 767, fig. 440). Ср. Longprérier, о. с. 84—86.

4) بالبجكان т. е. перс. پنجگان — см. Tabari, *Annales*, Glossarium, L. V. 1901, CXXI. Ср. Анучинъ, 27. Къ персидскому же возводили арабы и названіе глинянаго шара, которыми стрѣляли дѣти изъ лука — جلاهق, см. Gawālīkī's *Almu'arrab*, herausgegeben von E. Sachau, Leipzig, 1867, ۴۲.

5) Отрывокъ зтотъ Шу'убія заключаютъ указаніемъ, что у арабовъ не было знаменосца и что ихъ война состояла изъ грабежа, въ чемъ сходятся съ характеристикой Саракитовъ Велисаріемъ у Прокопія (II, 19). Затѣмъ Джәхизъ представляетъ возраженія, касаясь главнымъ образомъ ночного нападенія и засады и приводя цитаты изъ древнихъ поэтовъ. Относительно стремятъ, онъ возражаетъ, что употребленіе ихъ весьма древне у арабовъ, но что желѣзные стремена появились лишь со времени Азракитовъ и что арабы вообще не любили пользоваться ими. Тамъ же упоминаются сорта копій: منبرک, مردوع, منجوس, خطل, تاج (ср. Schwarzlose, 212, 235, 238). Въ заключеніе похваляетъ ударъ нижнимъ концомъ копыя. Отмѣтимъ сходство нѣкоторыхъ сообщенныхъ здѣсь у Джәхиза разсказовъ съ сообщеніями Ибн-Кутейбы, II, 1۲۰.

6) *Zend-Avesta*, II, transl. by J. Darmesteter, Oxford, 1883, 148—149. Ср. Geiger, о. с. 440.

Стрѣлокъ на блюдѣ Имп. Эрмитажа.